

ЛЕНА СОКОЛ

ЧТО БУДЕТ, если мы
не разомкнем наши руки?
Что будет, если мы продолжим
вот так держаться?

Сердце
умирает
медленно

Лена Сокол
Сердце умирает медленно
Серия «Молодежная серия», книга 13

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56952283
Сердце умирает медленно: Эксмо; М.;
ISBN 978-5-04-111976-8

Аннотация

Два месяца назад, ровно в полночь, я умерла. Через минуту в моем теле уже билось чужое сердце. Так я получила шанс на новую жизнь, а вместе с ним новые ощущения, чувства, запахи, сомнения и бесконечные кошмары, являющиеся во сне и наяву. Почему новое сердце отвергает мои прежние чувства? От чего пыгается предостеречь? Вопросов с каждым днем становится все больше, а ответ один – и он бьется у меня в груди.

Содержание

Антипредисловие	5
От автора	6
-1-	7
-2-	14
-3-	23
-4-	36
-5-	45
-6-	52
-7-	65
-8-	74
-9-	82
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Лена Сокол

Сердце умирает медленно

© Сокол Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Антипредисловие

Нужны ли мистической истории предисловия? Вряд ли. Поэтому считайте это обращение антипредисловием.

Так вышло, что мой роман наделал немало шума еще во времена участия в одном престижном конкурсе, где автора презентовали под зарубежным псевдонимом.

Я рада, что теперь и мои российские читатели получили возможность держать в руках книгу, на обложке которой гордо (и весьма смело) выведено мое настоящее имя.

Эта история совершенно особенная, но, надеюсь, вы полюбите ее так же, как и другие мои романы.

Закончу это антипредисловие словами благодарности своим любимым читателям, моему терпеливому агенту, заботливой (и потому обожаемой) редакции и, конечно же, моей дорогой семье. Без вашей поддержки ничего бы не получилось!

А теперь... **УВЛЕКАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ!**

От автора

Четыре часа.

Ровно столько дает современная медицина от первого надреза на теле донора до последнего шва в теле реципиента – человека, которому делают пересадку сердца. Спустя четыре часа орган станет попросту непригодным, поэтому счет идет буквально на минуты.

Орган погибшего человека способен обеспечить жизнь другому человеку на многие годы. И это настоящее чудо. Новый шанс для смертельно больного.

Врачи сразу видят, как сердце начинает биться в теле пациента. Но, к сожалению, пересадка не является завершающим этапом лечения и не несет в себе полного исцеления – это всего лишь первый шаг в будущей борьбе за то, чтобы продлить срок своего существования.

Чтобы новое сердце продолжало биться, придется прикладывать немалые усилия.

Эта книга посвящается всем, кто ежедневно спасает человеческие жизни.

Она также посвящается всем тем, кто верит в медицину, но хотя бы раз в своей жизни задумывался о том, где на самом деле живет в нашем теле Душа.

– Держи! – Райан вложил в мою ладонь тонкую веревку. – Как только начнет падать, резко тяни его на себя!

Я улыбнулась, просто чтобы сделать парню приятное.

Воздушный змей начал плавно опускаться. Еще бы. Нужно постоянно двигаться, чтобы он оставался в воздухе и продолжал лететь. А я лежала в плетеном кресле, укрытая пледом, и с трудом держала руку поднятой вверх.

– Вот так, да! Хорошо! – звонко рассмеялся Райан.

Он едва сдерживался, чтобы не выхватить несчастную нить из моих рук и прервать падение змея на землю.

– У тебя хорошо получается, Эмили, – кажется, выражение его лица было совершенно искренним, пока он произносил эту нелепость.

– Теперь ты, – тихо пробормотала я, возвращая ему веревку.

С севера налетел долгожданный ветер, и яркое цветное полотнище резким потоком воздуха подбросило вверх. Крылья змея задрожали под напором стихии, резные края, изображавшие перья, затрепетали, отдаваясь тихим шелестом в ушах.

– Вот это да! – воскликнул обрадованный Райан и, пытаюсь выровнять траекторию полета, побежал по газону вдоль забора, проходившего по границе нашего внутреннего дво-

рика.

Я поежилась и оглянулась в сторону дома. Мама вряд ли позволила бы мне выйти на улицу в ветреную погоду: не дать мне простудиться или заразиться чем-нибудь – одна из ее первоочередных задач с первого дня моей жизни. Поэтому-то она нахмурилась сегодня утром и была настроена столь скептически, когда Райан принес воздушного змея. И с довольным видом улыбалась, когда парень тщетно пытался заставить его взлететь битых полчаса.

Зато теперь, когда прохладный воздух осчастливил нас своим появлением, мне ужасно не хотелось, чтобы мать заметила хотя бы малейшее дуновение и испортила своими нравоучениями нашу прогулку. Хотя будем откровенны: мою вылазку трудно назвать полноценной прогулкой, ведь я не вставала с кресла, пока парень носился вокруг меня, но лишаться такой чудесной возможности – побыть наедине с Райаном – мне очень не хотелось.

Они продолжали ссориться. Мама и папа.

Обычно эти двое постоянно что-то делили или привычно соревновались в том, кто из них лучше заботится обо мне. Но сейчас... Похоже, конфликт набирал обороты. Я сделала такой вывод не потому, что они размахивали руками или хаотично перемещались по комнате, а потому, что они даже не смотрели в нашу сторону.

Обычно для мамы делом принципа было портить мои встречи с Райаном: она подслушивала, подглядывала, бес-

пardonно влезала в разговоры и считала приемлемым врываться в комнату в самый неподходящий момент. А отец, тот и вовсе свое присутствие на наших свиданиях считал делом обязательным. И взгляда от парнишки не отрывал ни на секунду, будто боялся, что, если отвернется хоть на миг, тот непременно воспользуется шансом, чтобы обесчестить его дочку.

Хотя Райан и не помышлял о таком. Наверное. Да и встречи наши свиданиями назвать можно с бо-о-ольшой натяжкой. Мы с ним просто приятели. Одноклассники. И то формально.

Я числюсь в классе, где учится Райан, с тех пор как поступила в школу. Когда-то мне было немного лучше, и мама не теряла надежды, что у меня получится хотя бы периодически быть нормальной: например, время от времени посещать занятия. Но для того, кто с трудом может удержать рюкзак за плечами, чье здоровье постоянно пошатывается от «терпимо» до «опять операция, опять больницы», ходить в школу, как все нормальные дети, – это что-то очень самонадеянное, почти из области фантастики.

Поэтому мне довелось побывать в здании учебного заведения лишь несколько раз. Конкретнее – семь. В течение целого десятилетия.

В остальное время если я и обучалась, то дистанционно. И то – тоже только когда была в состоянии это делать.

– Гляди! Видишь, как он высоко летит! – окликнул меня

Райан.

Но я смотрела на дверь. Она была закрыта неплотно, и до меня долетали обрывки реплик, которые заботливые родители метали друг в друга, как острые ножи.

– Так получилось!

– Получилось, значит?! – у матери от гнева срывался голос. – Лучше бы ты научился пользоваться резинкой... в твои-то годы! Тогда мне не пришлось бы краснеть перед соседями! Скажи-ка, весь Блэкли¹ уже знает, что ты обрюхатил секретаршу?

– Лиз, прошу тебя!

– Твои что-то расшумелись сегодня, – мягко сказал Райан, появившись передо мной и осторожно прикрыв дверь.

Обрывки слов больше не долетали до нас. Они остались за прозрачным стеклом, повисли тяжелым напряжением внутри дома.

«Только не волноваться. Спокойно, – уговаривала я себя, стараясь дышать ровно. – Господи, он тоже всё слышал. Райан. Какой позор...»

– А вот и солнце, – как ни в чем не бывало пропел парень, подтягивая к себе веревку со змеем.

«Старается меня успокоить? Или правда ничего не услышал?»

Я перевела взгляд на летящий над нашими головами кусок

¹ *Блэкли* – один из районов Манчестера (Великобритания). (Здесь и далее прим. автора.)

тонкой ткани. Змей ловил потоки воздуха, отчаянно подскакивал, дергался, но снова вставал на нужный курс. Настоящий борец.

«У папы будет новый ребенок. Здоровый. – Мне с трудом удавалось протолкнуть кислород в сжавшиеся легкие. – Вот и хорошо. Не будет сильно убиваться, когда я уйду».

– Смотри, – Райан обошел меня с другой стороны, – сейчас я отпущу его еще выше!

И он размотал веревку, дав змею больше свободы.

Побежал по двору, пытаюсь выровнять траекторию движения и пустить побольше воздуха под крылья тканевой птицы.

А я просто любовалась им. Райаном. Наблюдала, как его голые пятки касаются зеленой травы, как тонут в ней. Как напрягаются мышцы на загорелых руках вчерашнего мальчишки, превратившегося каким-то чудесным образом за последний год в молодого мужчину: широкоплечего, высокого, с забавным баском в голосе и горделивой осанкой.

Он так звонко смеялся, пытаюсь обуздать воздушного змея, что я в очередной раз удивилась, откуда в нем столько жизни. Он ведь и есть сама жизнь. Легкий, быстрый, веселый, сильный. Полная мне противоположность.

Мне. С впалыми щеками, прозрачной кожей, изможденным лицом. Я давно казалась себе настоящей трухлей. Стоящей одной ногой в могиле. Не надеявшейся на чудо. Забывшей, а точнее, никогда не знавшей, что такое бодрость с утра, задор в стремлении переделать кучу дел, и уж тем более эле-

ментарная сила в руках.

Сколько себя помню, если не лежала в больнице, я жила на первом этаже нашего маленького дома, в гостевой комнатке, переделанной под детскую спальню. Я была не в состоянии подниматься на второй этаж. Если были силы, рисовала. Много. Не для себя. Мне хотелось оставить как можно больше рисунков на память матери, чтобы у нее было еще что-то, помимо старых фотографий, с которых я взирала на нее бледным подобием человека.

Честно? Для меня и помыться-то в последнее время стало чересчур тяжелой задачей – я быстро уставала, начинала задыхаться. Чувствовала, что отмеренное мне время истекает. И как бы ни утешали, знала: скоро последняя песчинка часов моей жизни упадет, и мой отчаянный борец, мое сломанное, но не сломленное сердце в одно прекрасное мгновение просто остановится. И тогда наступит конец.

Сегодня? Завтра утром? Или сразу после обеда? А может, удастся протянуть еще пару месяцев? Никто не может сказать точно. Остается только надеяться.

Вот только я не питаю особых иллюзий. Не строю планов.

Я пытаюсь решить, стоит ли совершить нечто такое, что должна совершить каждая девушка в восемнадцать лет? И чего не может себе позволить умирающая восемнадцатилетняя. Нечто такое, что может оборвать мою жизнь раньше срока, но определенно сделает ее наполненной смыслом и... почти нормальной?

– Райан? – позвала тихо.

Парень остановился, посмотрел на меня с тревогой и ослабил натяжение нити, опустив руку.

– Да?

– Могу я тебя кое о чем попросить?

– Чего запыхалась? Только что с пробежки? – с этими словами Райан вошел в мою комнату через два дня.

Мама, впустившая парня в мое убежище, недовольно прочистила горло. Он же продолжал широко улыбаться: привык, что, кроме меня, его шуточек в этом доме никто никогда и не понимал.

– Привет, – я судорожно сунула смартфон под подушку.

Мне почему-то не хотелось, чтобы Райан знал, что мне нравится по несколько раз за день пересматривать забавные короткие видео, которые он шлет мне с занятий. Только с этими роликами я могла чувствовать себя более-менее живой, представлять, что тоже нахожусь там, среди пышущих здоровьем ребят, непрерывно отпускающих глупые шуточки и обменивающихся язвительными репликами.

– Эмили устала, – сухо сказала мать, сверля взглядом спину парнишки, – поэтому сегодня – недолго.

– Хорошо, миссис Уилсон, – кивнул Райан.

И сжал губы. Он всегда так делал, когда врал.

Мама удалилась, но дверь оставила открытой. Можно не сомневаться: она затаилась неподалеку, готовая в любой момент ворваться, если расстояние между мной и чужаком сократится до неприличных метров полутора или около того.

– В общем, сегодня ничего необычного, – парень, дождав-

шись, когда мать скроется с глаз долой, плюхнулся на кровать рядом со мной и вытянул ноги. – Стивен так разнервничался, узнав свой балл за тест, что заблевал Кэтрин все туфли. Девочки целый день без умолку обсуждали примерку своих платьев, аксессуаров и туфли к выпускному. Джонсон уселся на жвачку. Ничего нового!

Он развел руками, а затем нарочито обессиленно уронил голову на подушку.

– Мы переписывались с Шейлой, – призналась я, – кое-что из перечисленного она уже рассказала.

– Что именно? – Райан приподнялся на локтях. – Хотя нет, не говори. Дай угадаю. Про ее платье на праздник?

– Да, – с трудом улыбнулась я.

Приподняла подушку и навалилась на нее спиной.

Признаться честно, я даже немного ей завидовала. Жаль, что мне не светит прогуляться вместе с выпускниками в красивом платье и (ой, мамочки!) на каблуках. Не посчастливится потанцевать до рассвета и выпить втихаря от мамочки спиртного (кстати, а какое оно на вкус... и какой от него эффект?).

– Шейла Браун знает толк в шмотках! – рассмеялся Райан.

И от его смеха по всему моему телу разлилось необыкновенное тепло. Как же с ним рядом уютно и легко... Мы ведь... почти как настоящие друзья... Интересно, всё оставалось бы так же, если бы я была обычной девочкой, а он не испытывал бы ко мне жалости?

– Ты уже подал документы в Дарем? – спросила, стараясь избегать его взгляда.

Университет Дарема – его мечта. Он старательно зубрил школьный материал, чтобы получить максимальный балл за тесты, а его родители безумно гордились стремлением сына посвятить себя медицине. У меня до сих пор не хватало духу спросить, почему он решил стать врачом и к какой специализации тяготеет. Наверное, боялась услышать, что все это из-за меня. Не знаю, почему. Возможно, такой ответ усложнил бы мое восприятие Райана как просто друга.

– Еще нет, – парень пожал плечами. – Знаешь... – он все-таки добился того, чтобы я на него посмотрела. – Думаю, мне стоит остаться здесь. С тобой. В Манчестере тоже есть отличный университет, и медицинский факультет имеется...

– Как? – В голове не укладывалось. – Но ты же собирался... и твоя мама... Она похвасталась моей, что сбережения пойдут на твою уч...

– Нет, – Райан резко мотнул головой. – Нельзя просто взять и уехать, когда ты в таком состоянии. Я останусь, дождусь, когда тебе пересадят сердце. Буду рядом. А когда твой новый моторчик окрепнет, мы вместе горы свернем! – и в следующее мгновение он сделал то, чего от него я никак не ожидала: дотронулся пальцами до моей щеки.

Я вздрогнула, почувствовав его тепло. Уставилась в его лицо в смущении и испуге, а мое бедное сердце отчаянно толкнулось в ребра.

– Райан...

– Я про горы в прямом смысле, Эмили, – теплая сильная ладонь касалась моей щеки. – Куплю тебе кроссовки, мы добежим прямо до Кросс-Фелл² и покорим ее вершину. Как тебе? Или поедем туда на великах. А есть еще столько мест, которых ты не видела, столько вещей, которыми не занималась. Лыжи, коньки, футбол! Ты что, ни о чем теперь и не мечтаешь?

Я продолжала прижиматься щекой к его ладони, и мое смятение только усиливалось.

– Ты о чем?

– О будущем! – он опустил руку.

– Я... – выровнять дыхание у меня не получалось.

– Неужели ты не мечтаешь?

Его теплые пальцы обхватили мое запястье.

– Я... Ну... Вообще-то, мечтаю. Но только тихо, чтобы Бог, услышав о моих мечтах, не посмеялся над ними...

Мне было неловко находиться близко к нему настолько, что мои ноздри щекотал свежий запах его геля для душа.

– Эмили, опять ты за свое? – Райан выглядел испуганным. Серые глаза впивались в мое лицо, пытаюсь отыскать в нем хотя бы какие-то намеки на то, чего парень так боялся.

– Нет. Нет, Райан, никогда. Больше никогда, – мотнув головой, аккуратно высвободилась. Перешла на едва различ-

² *Кросс-Фелл* – гора, являющаяся наивысшей точкой Северных Пеннинских гор (Великобритания).

мый шепот: – И ты не можешь отказываться от своего будущего ради того, чтобы стать моей сиделкой...

Он опешил. Облизнул красивые пухлые губы и вздохнул, подбирая слова.

– Пропущу год, ничего страшного. Это мои проблемы.

Чувствуя слабость и головокружение, я глубоко, – настолько, насколько смогла, – вдохнула и выдохнула.

– Твои родители никогда не поймут, – произнесла я. – Особенно мама.

– Плевать, – решительно сказал Райан, придвигаясь ко мне. Бросил полный волнения взгляд на дверной проем и снова выразительно глянул на меня. – Ты еще не поняла? – прошептал он. – Я хочу остаться здесь. С тобой. Рядом. Хочу поддерживать тебя, помогать, видеть, как тебе становится лучше. А так и будет, вот увидишь!

Я инстинктивно отклонилась назад.

– Зачем?

Райан снисходительно улыбнулся мне и по-мальчишески небрежно поправил волосы.

– Потому что.

Он будто намеревался добавить что-то еще, но не знал, как это произнести.

– Послушай, – мне пришлось на секунду закрыть глаза и перевести дух. Силы и так слишком быстро меня покидали, а еще этот непонятный, ведущий куда-то не туда разговор. – Мы можем дружить на расстоянии. Ты должен думать

об учебе, о своей будущей карьере, Райан. О родителях, которые очень хотят гордиться тобой и возлагают на тебя большие надежды. А обо мне позаботятся моя мама и мой папа. Ты же видишь, они не отходят от меня ни на шаг. Они всегда справлялись.

Райан не шелохнулся.

– Но я хочу думать не о карьере, а о тебе, Эмили. Быть частью твоей жизни, твоего будущего...

– О-о-о... – я, наконец, поняла, куда он клонит. Отчетливо увидела все в его глазах, таких искренних и добрых. – И ты... значит...

«Нет, сердечко, не разгоняйся так быстро... Не нужно...»

– Ты мне нравишься, Эмили. Все из-за этого. Я здесь из-за этого.

– Но... – бросив опасливый взгляд на открытую дверь, я закусила губу. Парень ждал от меня какого-то ответа, но какого? Что он хотел от обреченной на смерть девчонки, когда вокруг так много здоровых? – Это неправильно, Райан. Ты ведь знаешь, я не... я не...

– Я тебе не нравлюсь? – спросил так хитренько, будто знал, что не смогу сказать «нет».

– Дело совсем в другом...

– И в чем?

Я захлопала глазами.

– А Шейла?

– Что, Шейла?

У меня пересохло в горле.

– Я думала, вы с ней...

Райан вытаращил глаза, а затем громко рассмеялся.

– Мы? Не-е-ет! – его обаяние лишало меня силы воли.

– Но ведь ты ей нравишься... – попробовала сопротивляться я.

– И?..

«Боже, ну как ему сказать, что я не разбираюсь в дружбе, любви, свиданиях и не понимаю, как все это у нормальных людей делается?»

– Она сказала, что ты провожал ее пару раз.

– И что с того? По-дружески. Она ведь твоя подруга, да?

– Да. Но... – пожала плечами. – Шейла думает, что нравится тебе.

Он перевернулся на спину и снова плюхнулся рядом со мной.

– А мне нравишься ты.

– Кхм... – слова застряли у меня в горле.

Со стороны коридора послышались шаги, Райан тотчас подскочил и очутился на расстоянии одного метра от меня.

– Все хорошо? – на пороге возникла мама.

После двух бессонных ночей, с темными кругами под глазами и растрескавшимися губами, она выглядела старше обычного.

– Да, миссис Уилсон, мы как раз обсуждаем наше будущее, – заметив, как непроизвольно дернулась у нее челюсть,

Райан поправился: – Университет, колледж, пересадка сердца, ну, знаете... то, что беспокоит современного подростка.

– А-а-а... – недовольно поджала губы мама.

Если бы не впитанная с молоком матери вежливость, она с удовольствием обозвала бы его клоуном.

– Все хорошо, – заверила я.

– Угу, – она нехотя развернулась.

– И как поживает лист ожидания? – поинтересовался Райан, когда мама вышла, оставив нас наедине.

Он имел в виду очередь на донорский орган.

– Двигается потихоньку...

Мне не хотелось огорчать его тем, что тысячи человек по всему миру умирают ежегодно, не получив заветное сердце. А уж мои шансы в толпе желающих выжить кажутся и вовсе ничтожными.

– Тогда... – Райан потянул на себя сумку и стал по очереди доставать из нее тетради. – Покажу тебе, чем я сегодня хотел заняться.

Я наблюдала за каждым его движением с особым интересом и радовалась, что сейчас парень не смотрит на меня. Потому что мне на него смотреть было трудно. Очень. Ведь он красивый. Даже больше, чем просто красивый. Он живой и настоящий.

– Ничего, если я разложу карандаши прямо на твоей постели? – продолжая рыться в сумке, поинтересовался он.

Я быстро перевела взгляд на свои руки. Тощие кривые

пальцы, выпирающие венки, бледная желтоватая кожа в тусклом свете ламп. «Пусть Райан отвернется и не смотрит на меня, а то становится еще тяжелее дышать».

– Ничего, – ответила.

А сама подумала: «Что означал наш разговор? И кто мы теперь друг другу? Мы встречаемся? Нет. Не-е-ет. Наверное, так не бывает. Это должно быть как-то по-другому. В фильмах все выглядит проще: герои не договариваются, кем они приходится друг другу. Они целуются. И становятся очень счастливыми. Но я так не хочу. Поцелуй меня точно доконает. И встречаться с Райаном не собираюсь. Глупо как-то, и ни к чему не приведет. Нет, это не вариант».

Райану пришло письмо из Дарема. Его зачислили.

Но он мне ничего не говорил. Его мама проболталась. Прибежала к моей, вся такая счастливая, сияющая. Они ото-слали документы несколько недель назад – сразу после того, как стали известны результаты итоговых тестов. Все произошло еще до того, как Райан решил туда не ездить. И его родители о его решении явно не подозревали.

Я поняла это по тому, как держалась миссис Джонс, сидя за столиком во дворе нашего дома. Они с мамой пили чай на свежем воздухе, пользуясь тем, что весенняя погода давала городу передышку от затяжных дождей, и без умолку болтали. Мне пришлось встать с кровати, чтобы видеть их через окно. Не было слышно ни слова, но по тому, как горели глаза его матери, когда она размахивала письмом из университета, и по ее широкой улыбке можно было догадаться, что давняя мечта дать сыну достойное образование – на пороге исполнения.

Прикинув носом к стеклу, я наблюдала. Женщины сидели друг напротив друга. Худощавая миссис Джонс, прямо державшая спину и манерно оттопыривающая мизинчик. И усталая, с поседевшими, наспех убранными в хвост волосами, моя мать, кажущаяся не в меру располневшей в сравнении со своей стройной собеседницей. Такие разные. Нико-

гда не ставшие бы приятельницами, не будь они соседями по улице и не дружи их дети.

Но, похоже, общение приносило маме хоть какую-то отдушину на фоне постоянных переживаний. Она улыбалась, слушая рассказы миссис Джонс, и кивала, поэтому я была относительно за нее спокойна. Хотя и понимала, как тяжело, наверное, ей слышать об успехах Райана и осознавать, что ее дочери недоступны даже простые радости взросления, такие как пешие прогулки, не то что учеба или планы на будущее.

Я отошла от окна и прилегла на постель. Обвела взглядом розовые обои, призванные поднимать мне настроение своим озорным девчачьим стилем, светло-зеленые занавески с рюшами, разноцветные горшочки на подоконнике и устало закрыла глаза.

Интересно. То, что я задумала проделать... как оно отразится на моем здоровье? Что я буду чувствовать? И действительно ли я так сильно хочу того, что планирую сделать?

В худшем случае умру на несколько дней-недель-месяцев раньше срока, который мне отмерен. В лучшем – попаду в больницу в тяжелом состоянии. Где тоже, вероятно, умру.

Потому что, даже если я поднимусь в листе ожидания, это не означает, что для меня найдется сердце.

Каждый день кто-то умирает, не дождавшись донорского органа. Чтобы кто-то жил, кто-то другой должен умереть, а его родственники должны дать согласие на изъятие. Слишком много условий, слишком мало времени.

Нет, не подумайте. Я не задумала ничего противозаконного. Всего лишь то, чего хочет каждая смертельно больная девочка моего возраста. Хотя бы недолго побыть нормальной и не думать о приближении конца. Хотя бы сделать вид.

Хотя бы раз не думать о последствиях и насладиться одним-единственным мигом своей нормальности.

Это сумасбродно. Опасно. Неразумно.

Знаю.

Но таков мой выбор.

* * *

– Хочешь, посмотрим фильм? – предложила мама.

– Давай, – постаралась выдавить правдоподобную улыбку.

Она поерзала в кресле:

– Комедию? Мелодраму?

– Выбирай сама.

Было ошибкой так говорить. Они с папой тотчас переглянулись.

– Ну, в смысле... – мне пришлось сделать усилие, чтобы улыбнуться еще раз. – Не могу решить. И то и другое было бы замечательно.

– Тогда пощелкаем по каналам, – тихо сказала мать, продолжая пронизывать меня взволнованным взглядом.

Ей очень нужно было знать, сильно ли я расстроена, что не могу присутствовать на выпускном. И пусть к ребятам,

которые сегодня прощались со школой, я имела весьма опосредованное отношение, но многие из них меня помнили, а некоторые даже интересовались, смогу ли я прийти на торжество. Если быть точной, двенадцать – столько сообщений с вопросами я получила на прошлой неделе.

– Тебе не холодно? – отец потянулся, чтобы подоткнуть мне одеяло.

– Нет.

Он укрыл мои ноги, поправил подушку и, решив, что мать не заметит, быстро глянул на часы.

– Спасибо, – произнесла я.

Папа кивнул.

– Чарльз, – строгим тоном обратилась к нему мать, – если ты куда-то торопишься, то мы тебя не держим.

Он потупил взор:

– Я никуда не тороплюсь.

Мама открыла рот, чтобы опять выплеснуть на него свои обиды, но, заметив мольбу в моем взгляде, сдержалась и отвернулась.

Я считала минуты до того момента, когда можно будет, сославшись на привычную усталость, отправиться спать.

* * *

Сообщение от Райана пришло, когда мое волнение достигло предела. Телефон был в беззвучном режиме, поэто-

му я, сидя на кровати в полной темноте, гипнотизировала взглядом черный экран. Где-то за окном, вдали, слышался ровный шум двигателя, затем дисплей вспыхнул: «Я на месте».

А значит, отступать уже поздно.

Зажав смартфон в руке, я медленно поднялась с постели. Выровнять дыхание не получалось. Сердце в груди прыгало так отчаянно быстро, что кружилась голова. Взяв свободной рукой туфли, я босиком, крайне медленно и осторожно прокралась в коридор и направилась в кухню. Отец спал на втором этаже, он не мог услышать моих шагов, но мама лежала на диване в гостиной. Она всегда так делала, чтобы быть ближе ко мне и прийти на помощь в любой момент.

Я двигалась вдоль стены, ощущая невероятную слабость. Мой безумный план, больше смахивающий на попытку самоубийства, чем на попытку побыть хоть недолго нормальной, могло сорвать в этот момент все, что угодно: от скрипнувшей внезапно половицы до нарастающего гула в моих собственных ушах.

Только подумайте, я собиралась покинуть дом на целую ночь!

И только сейчас ясно понимала, насколько дикой и опасной оказалась идея. Обычно мне и во внутренний-то дворик тяжело выйти, а тут – поездка на выпускной. Теперь прибавьте ко всему невероятное волнение, страх, тревогу. И что получим? Меня – на грани потери сознания, бледной тенью

в темноте кухни пошатываяющейся по направлению к двери.

Стараясь не выронить туфли, я из последних сил повернула замок и нажала на ручку. Свежий ночной воздух ударил в нос, защекотал ноздри запахом влаги и свежескошенной травы. Мягкий свет фонаря скользнул по моему лицу и заставил зажмуриться.

– Ой, прости, – прошептал Райан, поспешно отводя фонарик от моего лица. – Думал, эта штука пригодится. Мне еще никогда не приходилось врываться в чей-то дом в полночь с черного хода!

Почувствовала, как его сильные руки подхватили меня под локоть.

«Безумие, чистейшее безумие!» – кричал мой разум, когда я переступила порог и оказалась на улице.

– Первый раз вижу тебя в платье, – хрипло сказал Райан, прикрыв за мной дверь. Он взял меня под руку и повел по узкой дорожке. – Ты сегодня очень красивая, Эмили.

– Спасибо, – я смущенно опустила взгляд.

Ступала по холодным камням осторожно. Дышать становилось все труднее. Наверное, так чувствует себя атлет, пробежавший марафон. Грудь давит, она высоко вздымается, вздохнуть практически невозможно, но ты все равно открываешь рот, чтобы протолкнуть воздух в легкие. А через несколько секунд дышишь глубоко и часто и никак не можешь отдышаться. Сердце колотится, большое и тяжелое, по лбу сбегает пот, перед глазами плывет.

– Давай свою обувь, – парень забрал из моей руки туфли.

А мне хотелось отдать ему и телефон тоже. Не была уверена, что не выроню его в следующий момент и не разобью об асфальт. Но сдержалась. Только сжала крепче в кулаке. Так крепко, насколько хватало сил моим дрожавшим пальцам. Не хотелось подавать вида, что мне плохо, чтобы не напугать Райана еще сильнее.

Говорят, что обычный здоровый человек не чувствует своих внутренних органов, пока они не заболят. Свое же сердце я чувствовала всегда. Еще в детстве, лежа на кровати, могла слышать его стук, отдающийся толчками в венах, а при малейшей нагрузке начинало казаться, что оно рвется из груди все настойчивее, все больше толкается, гудит и даже бьет набатом.

– Карета подана, – Райан открыл дверцу автомобиля своего отца: машина оказалась припаркована в тени дерева через дорогу от моего дома. – Прошу.

– Благодарю, – пробормотала я, опускаясь на сиденье.

Дверь почти бесшумно закрылась. Пока Райан обходил машину, я бросила взволнованный взгляд на дом. Там по-прежнему было темно и тихо. Вот и хорошо. Здесь, полулежа на сиденье, можно немного перевести дух и прийти в себя.

«Только один танец, мне больше ничего и не нужно. Ради такого можно и потерпеть. Да, сердечко? Мы ведь потерпим?»

Телефон переключался на специальную полочку на прибор-

ной панели, а я положила холодную ладонь на грудь, мысленно призывая бешено скачущее сердце успокоиться хотя бы ненадолго.

– Ваши туфельки, Золушка, – заняв место водителя, Райан нагнулся и поставил мне под ноги мою обувь.

Бережно придерживая за лодыжки, он помог моим ступням устроиться внутри туфель.

– Готова? – спросил он, приподнимаясь и забавным движением сдувая пряди волос со своего лица.

– Вроде того, – улыбнулась я, тяжело дыша.

Говорить получалось с трудом.

– Тогда в путь. К прекрасному замку, – оглянувшись на дом, он завел мотор.

Тот, в отличие от двигателя, бьющегося у меня в груди, работал ровно и четко, не шумел и не грохал на всю улицу.

– Спасибо, Райан, – облизнув сухие губы, чуть громче произнесла я.

Парень кивнул.

Мне просто хотелось сказать Райану о своей благодарности заранее. Пусть он знает, что делает для меня нечто особенное и значимое, на что никто другой никогда бы не отважился.

Автомобиль тронулся с места и понес нас по ночной улице.

Друг бросил на меня беспокойный взгляд и снова улыбнулся. Меня не тревожило, как я выглядела в платье, поза-

имствованном у Шейлы, в неудобных маминых туфлях, без косметики и без прически, с распущенными прямыми волосами, спутанными, сухими и чересчур тонкими. Мне был важен вот этот самый момент, когда я делала что-то очень неправильное, возможно, последнее в своей жизни, но это было так безрассудно прекрасно.

Салон, наполненный терпким запахом мужского парфюма. Ветер, врывающийся в небольшое отверстие над приоткрытым оконным стеклом. Джаз, тихо льющийся из динамика и заглушающий биение моего сердца. И мальчик, который ни за что не должен был обратить внимания на такую, как я, но почему-то обратил.

И на душе впервые за последние несколько лет стало так спокойно и легко, что ускользающее время отмеренного мне земного пути уже не казалось чем-то несправедливым и жестоким. Одно яркое мгновение стоило тяжких лет борьбы с недугом, операций, череды бесконечных госпитализаций, уколов, капельниц, процедур и долгих-долгих часов забвения на постели со взглядом, направленным в невыносимо белый потолок.

А потом был большой шикарный зал, украшенный шарами и наполненный грохочущей музыкой, куда Райан ввел меня, держа под руку. Там собрались десятки знакомых и незнакомых ребят, каждый из которых спешил поприветствовать меня и перекинуться хотя бы парой слов. Красивые наряды, сверкающие улыбки, круговорот объятий и ку-

ча вопросов о том, как мне удалось присутствовать на этом, по сути, чужом, празднике. Кажется, я даже видела кого-то из родителей выпускников. Они тревожно оглядывали меня, перешептывались и искали глазами кого-то из взрослых сопровождающих, которые должны были находиться рядом со мной на мероприятии.

– Можно вас пригласить? – голос Райана вывел меня из состояния шока.

Его ладонь нежно коснулась моей, пальцы сжали руку, и он осторожно притянул меня к себе. Взглянув испуганно в его серые глаза, полные обожания и трепета, я благодарно оперлась на его плечо и позволила закружить себя в танце.

Если это можно было так назвать. Райан просто придерживал меня, не давая потерять сознание, «устроил» мою голову на своем плече и стал плавно покачивать, своим спокойствием снимая напряжение и умиряя настоящий ураган в моей груди. Подозреваю, он чувствовал, как неровно колотится мое сердце, отдаваясь толчками ему в ребра. Видел чудовищную слабость, охватившую мое тело, и разливающуюся по коже смертельную синеву.

И это был чудесный танец.

Мой первый медленный танец и, наверное, последний. Возможно, и Райан все понимал, потому что после его окончания подхватил меня под локоть и предложил пойти посидеть на диване, чтобы отдохнуть.

– Ты в порядке, Эмили? – спросил он, когда я вместо того,

чтобы сесть, увлекла его за собой на улицу.

– Да, мне хорошо.

– Ты очень тяжело дышишь и...

Мы вышли, и Райан пытался в темноте разглядеть мое лицо.

– Я хочу посмотреть на луну, – прошептала я.

– Ладно, – согласился он.

И, поддерживая меня за талию, повел по тропинке от здания вниз к обрыву.

– Подожди, – пошатываясь, я наклонилась, чтобы снять туфли.

Парень помог мне и с этим.

К счастью, идти было недалеко. Мы остановились у самого края, под деревом, и сели прямо на траву. Я прикинула к груди Райана, вытянула ноги и откинула волосы назад. Силы постепенно возвращались ко мне вместе с зажигающимися в ночном небе мириадами звезд. Мир словно замер, и посторонние звуки, будь то музыка, смех, гул машин или лай собак, доносились до нас издалека – они стали фоном, который уже перекрывал звонкий стрекот сверчков.

Силуэты домов вдали, деревья и улицы казались покрытыми серебряной краской. Тени на земле отливали фиолетовым, а раскинувшийся внизу город усеивали огни. Будто крупинки бриллиантов, они сияли в отсветах лунного света, прорывавшегося сквозь редкий дым облаков.

Я сидела, ощущая тепло Райана, и любовалась красотой

ночи. Мы молчали, да у меня и не было сил разговаривать. Не хотелось думать о том, что всему вот так быстро суждено закончиться. Не хотелось возвращаться домой, чтобы снова вести счет дням, каждый из которых может стать последним.

Когда горячая рука Райана накрыла мою ладонь, ноющая боль сжала мои внутренности. Я с грустью посмотрела на небо и, борясь с подступающей слабостью, усмехнулась.

«Я уйду. Меня не будет. Возможно, все изменится. Возможно, все останется как было. А я исчезну. Точно так же, как и жила, не оставляя ни единого следа. А мир продолжит свое существование. Будет жить, как жил. И это прекрасное мгновение тоже совсем скоро, как и я, растворится в воздухе, потому что ничто не вечно».

Я повернулась и приблизила свое лицо к его лицу. Игнорируя головокружение, ткнулась холодными губами в его горячий рот. Не знала, как правильно это делается, как нужно целоваться, поэтому оставила инициативу ему. И Райан, опешивший от удивления, сначала замер и уставился на меня, хлопая пушистыми ресницами, а затем потянулся навстречу, коснулся моих губ и мягко развел их языком.

Сердце оборвалось. Я сразу почувствовала, как оно остановилось. А потом больно ударило изнутри в ребра. Оно билось. Я чувствовала его. А еще чувствовала себя живой. Дышала. Жила. А в глазах застыли слезы – еще одно доказательство жизни.

Теперь я узнала, как это бывает. Каково это – ощущать

себя желанной.

Когда ладони Райана... горячие... были на моей шее, спине, на моих щеках, в спутанных волосах... Когда его дыхание стелилось по моей коже... Когда наш поцелуй наполнил меня теплом и светом от кончиков пальцев до самого сердца, раскрывшегося, чтобы впустить новые чувства. Когда он, ласково улыбаясь, привлек меня к себе, когда мы глаза в глаза, ощущая что-то невообразимое, дышали друг другом, когда я, опускаясь на траву, чувствовала его обжигающие поцелуи на своей шее и груди...

– Эмили! Эмили! Черт... О боже! – донеслось до меня сквозь пелену.

Не понимала, отчего так трясет.

Потом с трудом открыла глаза и поняла, что Райан бежал, держа меня на своих руках. А над нашими головами чернело ночное небо. Что-то обжигало мое лицо... его слезы. Наверное, я потеряла сознание, и его напугали мои синюющие губы и закатившиеся глаза. Мама так же реагировала на мои приступы, она так и не привыкла за столько лет, что я то и дело оказывалась на пороге смерти.

– Эмили, пожалуйста, дыши. Не умирай! – его голос заглушал шелест высокой травы под ногами. – Эмили... – Жалобно, почти как ребенок. – Пожалуйста... Это я виноват! Я! Я тебя убил, прости меня... Кто-нибудь, скорее! «Скорую»! Эмили плохо...

Яркий свет упрямо прорывался сквозь веки. Как больно. Я открыла глаза и попыталась что-то сказать, но горло хрипело, а лицо было закрыто кислородной маской.

«Значит, мама уже в курсе, – пронеслось в голове. – И я все еще жива...»

А дальше все опять как в тумане. Врачи, медсестры, бесконечные иглы, лекарства, анализы, тесты, приборы, исследования. Мамина тень. Она появилась в палате, кажется, на второй или третий день, трудно сказать. И двигалась беспрестанно: мерила шагами комнату от окна до двери и обратно. Иногда замирала, но ненадолго. Иногда останавливалась возле меня, и тогда ее очертания обретали резкость, а слова ясность.

– Как ты могла? Что ты наделала! Я чуть не умерла от переживаний!

Она не обманывала. Ее лицо было бледным и изможденным. Папа тоже сильно нервничал: его силуэт я заметила сначала за стеклом окна в палате, а затем увидела отца перед собой, облаченного в больничную накидку.

Их тревога была не просто тревогой. С оттенком ужаса и безысходности – такое я наблюдала впервые. Заметила, как мама читает молитвы, едва заметно шевеля губами, и как гаснет в глазах папы тусклый лучик надежды. Они словно

прощались со мной.

Она приближалась. Смерть.

Когда голоса родителей стали спокойнее, наверное, отец и мать устали от переживаний, а их лица наполнились ускользающей нежностью, я отважилась спросить о Райане.

Мама сразу заплакала. Да, прямо с ходу. А папа разразился гневной тирадой на тему того, что этот убийца больше никогда не подойдет к его дочери.

– Что, и на могилу мою не пустите? – поинтересовалась я. Тогда заревел и он.

Оказалось, что сначала Райан дежурил каждую ночь в машине возле госпиталя, а позже, когда мама перестала кидаться на него с кулаками, перебрался в коридор. Его родным пришлось организовывать спасательную операцию, чтобы вывезти его из медучреждения домой и заставить поспать. Теперь он приходил только днем, держался поодаль и смиренно ждал новостей.

Мои родители заключили с ним негласное временное перемирие – делали вид, что не замечают его присутствия ради спокойствия своего и своей умирающей дочери.

А еще они чувствовали себя виноватыми. За то, что не дали мне здоровья при рождении. За то, что не уберегли от безумства. И за то, что очень хотели, чтобы кто-то неизвестный срочно умер, чтобы спасти мне жизнь.

Я находилась в критическом состоянии. Да, доктор так и сказал – в критическом. А значит, времени оставалось все

меньше и меньше.

И родители молились о чуде. Но как можно молиться, чтобы кто-то другой, молодой и здоровый, подходящий по росту, весу, группе крови и другим параметрам, вдруг скончался? Попал в автомобильную аварию и получил травмы, несовместимые с жизнью? А потом просить Бога о том, чтобы его родственники согласились передать медикам его орган? Невообразимо.

Поэтому они молча роняли слезы. И по очереди держали меня за руку.

А я слабела. Не чувствовала этого физически, потому что находилась под воздействием медикаментов, но морально ощущала. Я будто растворялась в пространстве. Таяла. Блекла. И невероятная тяжесть постепенно замещалась странной легкостью, которая манила, звала меня куда-то высоко. Но что-то все еще меня держало на этом свете. Было что-то, чего я не могла просто так отпустить и уйти.

Вот что удивляло врачей.

И вместе с ними и мои родители радовались каждому новому прожитому мною часу и дню.

* * *

Мне нравилось смотреть, как она дрожит. Как трясутся ее поджилки в тусклом свете ламп, как отчаянно дергаются разведенные в стороны конечности, привязанные к углам

большого деревянного стола.

– Тише, тише, детка, – шепнул, наклоняясь к ее спине.

Она резко повернула шею, пытаясь посмотреть мне в лицо. Но, так и не добившись желаемого, беспомощно застонала. Потом всхлипнула и обессиленно уронила голову обратно на стол. Уткнулась лбом в прохладную столешницу. Ее плечи мелко сотрясались, но не от холода, а от страха.

Распластанная лицом вниз, совершенно голая на грубой древесине, она больше не казалась мне такой развязной и наглой, как за несколько дней до этого в общении со своим дружкой. Лежала безвольной куклой с разведенными, как у морской звезды, руками и ногами и уже не пыталась сопротивляться.

– Вижу, ты не усвоила урок, – протянул руку и осторожно провел ладонью по гладким темным волосам. – Мне очень жаль, детка. Мне так жаль...

– Нет... – хрипло простонала она и снова затряслась.

Кап-кап...

Глухую тишину помещения взорвали падающие на пол капли вязкой крови.

Металлический запах, поднимающийся от ее сочащихся кровью ран, он меня пьянил. Пахло страхом, болью, раскаянием и... искуплением. Чем больше она страдала, тем больше освобождались мы оба. От ее грязи, ее предательства, ее лжи.

– Ну-ну-ну, сладкая... – запустил пальцы в ее волосы и

наклонился ниже. Придавил ее своим весом и медленно втянул кисловато-терпкий запах пыли и пота. – Ты же понимаешь, придется потерпеть. Иначе – никак.

– Нет... – ее голос снова приобретал противные, истерические нотки, сильно раздражавшие меня.

Они взрывали мозг, точно тяжелые, скрипящие от старости жернова.

– Не зли меня, пожалуйста, – попросил, морщась. Сжал пальцы в кулак, подтягивая ее затылок к своему лицу – следом за прихваченными волосами. – Не зли, детка. Во всем этом только твоя вина. Ты же знаешь? – преодолевая боль, сглотнул и вдохнул побольше воздуха. И вдохнул ее запах, – мне тоже больно. Очень, – коснулся лбом ее затылка и всхлипнул отрывисто, совсем как она. – Выход лишь один, сама понимаешь. Мы не можем быть вместе, пока на тебе его следы. Их следы. Тебе нужно очиститься...

Ее плач эхом отдался под сводами стен. Рассыпался на сотни маленьких стонов, обвился вокруг моей шеи тугим узлом, сдавил легкие.

Мы страдали вместе. Опять.

Это была наша общая боль.

– Скажи, что тебе жаль, детка. Скажи, – попросил, прижимаясь к ней сильнее.

Корни ее волос затрещали от сильного натяжения, обезумевшие от ужаса глаза уставились в потолок.

– За что? – прохрипела она, хватая ртом воздух.

Пришлось усилить хватку. Теперь затрещали ее шейные позвонки.

– Да, да! – завопила. – Мне жаль!

Отпустил, позволив ей удариться лбом о столешницу.

– Я рад.

По моей щеке покатила слеза.

– Боль... она исцеляет, – подтянул к себе столик, на котором лежало все необходимое, и застыл, разглядывая сквозь прорези в мешке ее бледную кожу, покрытую каплями пота. – Тебе очень повезло, что я готов простить тебе твой грех. Все будет по-прежнему, обещаю. Мы снова будем вместе, когда этот ад закончится. Я помогу тебе пережить боль, как однажды пережил свою. А ты раскаиваешься?

– Мм... – обессиленно промычала она.

Я смотрел на ее крепко связанные запястья, покрасневшие от веревок. На багровые синяки на крепких бедрах. На запекшуюся кровь на идеально белой спине. Слышал, как быстро и рвано бьется ее сердце, как сбивается от ужаса дыхание. Мои глаза заволокло слезами.

– Что ты сделала с нами? – закусил губу до боли. До бешеной пульсации в ушах. До привкуса крови во рту, смешивающегося с каплями соленых слез. – Ты все испортила. Ты разрушила то, что было. И теперь мне придется все исправить. Исправить.

– Пожалуйста... – из последних сил всхлипнула она. – Нет. Только не это снова...

Я положил свои ладони на ее раны, заставив вздрогнуть.

– Вот что мне приходится с тобой делать, детка. И все из-за тебя!

– Нет...

– Зачем тебе это нужно было? Ведь все было хорошо! Неужели я плохо с тобой обходился? Ведь нам же было хорошо вместе... Или ты всегда обманывала меня?

Она задергалась, в последний раз проверяя веревки на прочность. Чувствовала приближение неминуемого, но еще надеялась его избежать.

– Пришло время избавления от боли.

– Нет! – заорала она, судорожно извиваясь. Ее голос жутко скрипел, точно старые ржавые ножницы. – Кто ты?! Кто ты такой?!

Я ждал, когда она успокоится. Когда перестанет дергаться. Предвкушал момент, когда смогу коснуться ее кожи холодом стали. Момент единения, избавления от грязи, истинного очищения. Меня почти трясло от наплывающего волнами желания. Но я медлил. Хотелось запомнить ее такой: беспомощной, раскаявшейся, открытой. Чтобы насладиться сполна.

– Пора, – произнес тихо, когда она снова обмякла.

Потянулся к столику.

– Нет, не надо, прошу! – заметалась девушка, натягивая до предела путы. Ее зрачки расширились при взгляде на меня, словно она не человека увидела, а мерзкого червя.

«Глупая. Все еще не поняла, что так нужно».

– Прошу вас...

– Мне тоже очень больно, – прошептал я, чувствуя, как горячие дорожки слез бегут по моим щекам. – Но все будет хорошо, вот увидишь. Я все исправлю...

Увидев длинную иглу в моей руке, она пронзительно закричала. Ее возглас гулким эхом отразился от толстых бетонных стен. Пришлось надавить сверху локтем, чтобы не дергалась и не испортила мою работу.

Я провел ладонью по ее спине и тяжело вздохнул, затем собрал кожу в складку и медленно стал вонзать иглу. Она прошла сквозь нее, как сквозь масло. Издав нечеловеческий вопль, девушка дернулась и опять потеряла сознание. Толстая красная нить скользнула следом за иглой, оставляя ровный, красивый стежок. Аккуратной круглой каплей на коже выступила кровь. Стоило ее задеть, и она растеклась сначала мелкой лужицей в углублении между моих пальцев, а потом побежала вниз, к талии, уже тонкой струйкой.

«Божественно»...

«Просто прекрасно»...

Сняв с головы душистый мешок, я положил его на столик. Мне не терпелось скорее продолжить. Через пару секунд острие снова пронзило белую кожу, покрытую мурашками и красными разводами. И новая капля крови выступила на ее поверхности, символизируя жертву, которую мы приносили за очищение от греха.

И мне снова не удалось удержаться от слез.

– У нас есть сердце.

Простая короткая фраза.

Лишь несколько слов, но сколько же в них заключено!

Смятение, волнение, паника, радость, замешательство. Да все сразу.

Как раз за полчаса до того, как доктор сообщил нам новость, я просила маму в случае моей смерти отдать мои органы другим нуждающимся. А теперь это. Нам не сказали, что произошло с моим донором, кем он был, но сообщили, что врачебный консилиум выбрал из множества претендентов меня. Задали несколько вопросов по самочувствию, обсудили анализы и оставили в покое, чтобы мы могли подготовиться.

Попрощаться – так будет честнее.

Ведь никто не мог гарантировать успех операции на сто процентов.

Пока мое сердце находилось в другом человеке, жизнь которого поддерживали аппараты, и пока бригада готовилась к его изъятию, у меня было еще около часа, чтобы настроиться.

Мама обняла отца и принялась от радости лить слезы над моей кроватью. Она еще не знала, станет ли биться мое новое сердце в моем теле, но уже была безмерно рада тому, что

появился хоть какой-то шанс на спасение.

А я... Я думала, о том, что мое старое сердечко возьмут и вырежут из груди. Реально вырежут. А что дальше? Выкинут в помойку? Мне становилось страшно и жутко от одной этой мысли.

Потом мама принялась молиться за ту семью, которая кого-то потеряла, но нашла в себе мужество, чтобы отдать мне орган. Ведь самый большой подарок в жизни – это и есть Жизнь.

А я задумалась о том, достойна ли такого дара. И что буду с ним делать? Одно дело заботиться о пересаженном органе, поддерживать здоровье, правильно питаться и заниматься спортом, а другое – распорядиться своей жизнью за двоих, сделать в два раза больше добрых дел за себя и за того, кто умер. Ведь нельзя пролеживать свои возможности на диване или за компьютером?

Новая жизнь с новым сердцем – это очень ответственно.

Отдать органы своего близкого другому человеку – акт поистине впечатляющей щедрости. И неудивительно, что каждый хочет быть уверен, что жертва не напрасна.

Папа уже обзванивал наших родственников. Тех, кто жил рядом, и даже тех, о ком я слышала впервые. Ему не терпелось сообщить им, что я теперь не умру. Хотя это еще было под вопросом.

А я вспоминала те операции, что пережила. Мне бы и не хотелось вспоминать о тех испытаниях, но именно эти болез-

ненные манипуляции каждый раз давали мне новые отсрочки. И теперь становилось ясно – все было не зря. И возможно, сегодняшняя операция станет последней.

Хотелось надеяться.

– Мама, я могу увидеть Райана? – знала, что вопрос мог ее огорчить, но не могла его не задать.

– Дорогая, дело в том, что сюда пускают только ближайших родственников... – вплеснула руками она.

– Но я могу его больше никогда не увидеть, – произнесла тихо, вложив в свои слова свои последние силы.

– Я его найду, – твердо сказал отец и вышел в дверь.

– Спасибо.

Когда появился Райан, мы попросили оставить нас наедине.

Нам дали минуту.

– Эмили... – в смешном больничном одеянии он казался мне жутко забавным.

Райан сел на стул, придвинулся ближе и коснулся ладонью моей руки.

Я почувствовала его тепло и улыбнулась.

– Привет.

– Я очень переживал... – он затряс головой.

– Вижу – у тебя вся башка седая, – прошептала я.

Райан коснулся торчащих из-под шапочки волос и смущенно усмехнулся:

– Ты шутишь, и это хорошо.

– Тебе сильно досталось из-за меня? – спросила я.

Он отмахнулся.

– Давай не будем об этом? Я так рад, что у тебя появился шанс. Иначе никогда бы себе не простил, – Райан закусил губу. – Я почти не спал, постоянно прокручивал в голове то, что случилось. Приходил сюда, но меня к тебе не пускали.

– Знаю.

Он тяжело вздохнул.

– А о чем ты сейчас думаешь?

С трудом, но пожала плечами.

– Ну... – пришлось отгонять от себя дурные мысли. – Наверное, о том, получится ли. И как все пройдет. Забьется ли новое сердце у меня в груди или не захочет...

– Все получится, – его глаза светились надеждой. – Я верю.

– Я никогда не готовилась жить, только умирать. Не знаю, что буду делать, если все пройдет хорошо...

Ему не удалось скрыть улыбку:

– Что-нибудь придумаем.

Почувствовала, как его рука крепче сжимает мою ладонь.

– Спасибо тебе за тот за чудесный вечер, – сказала, прочистив горло.

По лицу Райана пробежала тревога, смешанная с ужасом. Вероятно, ему не так приятно было вспоминать про события, произошедшие на выпускном.

– Чудесный?

– Ага, – улыбнулась уголками губ. – Я так... На всякий случай... Вдруг мы больше не увидимся.

Райан посмотрел на меня так, будто попытался увидеть насквозь.

– Бабуля сказала, что все пройдет хорошо.

– Да? – прошептала я. – Ты, кажется, говорил, что она у вас вроде городской сумасшедшей?

Он засмеялся.

– Люди ее, конечно, побаиваются, – он отпустил мою руку и задумчиво почесал висок. – Но перед выпускным, когда я выходил из дома, она вдруг невзначай бросила: «Плохая идея!» Я ей: «О чем ты?» – а она как захрапит!

Мы рассмеялись.

Вернее, Райан. Мне бы и хотелось последовать его примеру, но перед глазами вдруг снова возникла картинка грядущей операции и оранжевый бокс в руке врача – холодильник с новым сердцем, который должен вскоре отправиться в путь из операционной, где умирал донор, прямиком ко мне. В груди неприятно защемило.

– Ты знаешь, чье это сердце будет? – внезапно спросил Райан, нервно облизнув губы.

– Нет, – призналась я.

– А хочешь?..

На секунду я растерялась.

– Нет, – подумала еще немного и мотнула головой. – Наверное, нет. Не хочу. Это... слишком волнительно.

– Но ты ведь... можешь узнать, правда?

– Да, – кивнула я. – Нужно будет подать заявление в донорскую программу, чтобы раскрыть имя этого человека. Если его семья согласится, тогда имя мне сообщат. Только зачем? Разве что... чтобы сказать спасибо... Ну... – Я почувствовала, как сердце опять ускоряет ритм, мешая дышать нормально. – Рано еще говорить о таком. Пусть сначала все пройдет хорошо.

– Верно, – кивнул Райан. – Может... сфотографируемся? Чтобы у нас были фото «До и после».

– Э-э-э... – не успела отказаться, как он приблизил свое лицо к моему и навел на нас объектив камеры в телефоне.

– Улыбочку!

Щелчок. Я сжала рот в тонкую линию. Мое лицо на снимке казалось синим, губы – фиолетовыми.

– Эмили, – строгий голос со стороны двери заставил Райана подскочить.

Моя мама стояла в дверном проеме, сложив руки на груди.

– Время вышло.

Наше время вышло. Мое, кажется, еще нет. Но посмотрим.

– Все будет хорошо, Эмили, – шепнул Райан, вставая.

А мне очень хотелось, чтобы он поцеловал меня на прощание. Вот незадача: видно, придется выжить, чтобы дождаться этого. Возможно, у нас будет еще много поцелуев, встреч и... даже чего-нибудь еще. А сейчас...

– Пока... – произнесла я, глядя, как Райан удаляется.

Парень неохотно пятился к двери.

– Я с тобой! – бросил он на прощание.

И я видела по глазам: он говорил правду.

Все как и водится: после напутственной речи кардиологов мной занялся анестезиолог. Улыбчивый мужчина средних лет. Через маску я не могла видеть губ, но его светло-зеленые глаза улыбались – это точно. К тому же тон врача был таким благожелательным и мягким, что сам тембр голоса помог мне немного расслабиться. Ну, насколько такое возможно для лежащего на операционном столе человека, ощущающего себя на пороге грядущей неизвестности, насквозь пропитанной риском и раствором йода, которым меня готовились тщательно вымазать.

Сначала мне задали пару вопросов о том, что я ела и пила сегодня, затем закрепили на лице кислородную маску. Перед глазами мелькнул шприц, содержимое которого осторожно запустили по моим венам. Тишина становилась оглушающей. Ничего необычного, но через секунду мной снова начало овладевать то странное ощущение, которое бывает как раз перед тем, как ты провалишься в пустоту наркоза.

– А теперь сосчитай от десяти до нуля, Эмили, – раздался голос над головой.

Они всегда просили об этом, на каждой операции. И еще ни разу я не помню, что бывало после семи.

– Десять, – лица врачей в масках перестали быть четкими. – Девять, – все труднее стало сосредоточиться. – Во-

семь, – казалось, что меня обволакивает густая, мягкая ва-
та. – Семь...

* * *

– Как себя чувствуете, мисс Уилсон?

– Где грузовик? – первое, что я произнесла, когда смогла
говорить.

Мой голос казался непривычно сиплым.

– Какой грузовик? – доктор Кларк склонилась над койкой.

– Который переехал меня...

– Вот вы о чем! – она широко улыбнулась. – Скоро боль
утихнет, не переживайте.

Не знаю. Чувствовала я себя ужасно. Примерно так, буд-
то меня основательно попинали. И не раз. Потом переехали
машиной, а вдобавок сплясали кейли³ прямо у меня на гру-
ди. Но, по крайней мере, я жива. Что подтверждало доволь-
ное лицо врача, внимательно наблюдавшего за моими реак-
циями. А это уже хорошо.

– Как все прошло? – решила спросить я прежде, чем она
закидает меня дежурными вопросами.

На самом деле, мне хотелось знать, действительно ли те-
перь во мне живет частичка другого человека. А еще было
интересно, правда ли мое прежнее, слабенькое, еще живое

³ Кейли – céilí (англ.) – парные и групповые ирландские национальные танцы.

сердце, которое продолжало отчаянно биться, гоняя кровь, вырезали и выбросили.

– Штатно, – пожалала плечами доктор Кларк.

А затем, используя столь любимые ею медицинские термины, принялась сухо излагать факты. Пока она это делала, я пыталась прислушаться к тому, что творилось у меня в груди. Кажется, новое сердце билось ровнее, чем прежнее. Но я чувствовала его – как будто ему было тесно на месте прежнего, и оно робко толкалось, пытаясь привыкнуть.

Пошевелила пальцами, потом рукой – очень осторожно. Приятно ощущать себя живой. И пусть мне мешали проводки, трубки, повязки со специальным пластырем, я знала, что там, внутри меня, под уродливым длинным шрамом, разрезающим грудь напополам, поселилась надежда.

Главное, протянуть пару дней. Если не начнется отторжение, поставлю себе новую цель – восемь недель. Второй критический срок. Если и его выдержу, значит, можно будет побороться еще.

* * *

Лекарства.

Их у меня теперь еще больше, чем до операции. И пить их нужно строго по графику до конца жизни. Почти по пригоршне за раз. Пропускать нельзя – иначе моя иммунная система убьет мое новое сердце. Хотя за нее это могут сделать

и обычные инфекции, если уж быть до конца откровенным. (И даже побочные действия медикаментов могут меня прикончить. Но нужно надеяться, что такого не произойдет.)

Итак, лекарства.

Дорогостоящие, жизненно необходимые, в огромном количестве. Мама называет их сундуком с сокровищами – так их много. Я называю их просто едой. Потому что аппетита у меня нет, а специальных препаратов приходится глотать столько, что, кажется, ими я и наедаюсь.

За прошедшие с момента операции две недели у меня появилась привычка ставить будильник на семь утра и принимать препараты, исключаящие отторжение сердца и снижающие риск возникновения инфекционных заболеваний.

Впервые я встала на ноги уже на пятый день в реанимации. Правда, никто не должен знать об этом. Из врачей. Они строго следят за моим самочувствием, и о будущих физических нагрузках, которые помогут мне вернуться к нормальному ритму жизни, пока еще только говорят. Даже организовали несколько встреч со специалистом-психологом, который помогает таким, как я, адаптироваться в обществе. Очень сомневаюсь, что кто-то способен помочь мне вернуться к «нормальному ритму жизни», если я такового никогда и не знала. Ну и ладно.

Вряд ли мои сомнения означают, что я по-настоящему сопротивляюсь тому, чтобы приспособиться к новым обстоятельствам, но мне еще не по себе. Это точно.

Сегодня мне наконец-то разрешили увидеться с Райаном.

Мама недовольно фыркала, пытаясь отговорить меня от встречи с «ненадежным и глупым мальчишкой», но папа, рискуя нарваться на очередной скандал, уступил мне. Тогда мать надулась и отвернулась к окну. Ей было обидно.

Из-за того, что по моей просьбе парень чуть не убил меня на выпускном, она рассорилась с миссис Джонс. Прямо здесь, в больнице. Мама не говорила мне, я сама узнала об этом из видеопослания Райана, которыми он заваливал меня каждый день.

– Он тебе не подходит, Эмили, – бросила в отчаянии мама, когда отец вышел из палаты.

Я как раз села удобнее на кровати и достала из кармана маленькое зеркальце. Мне было жутко интересно, как отрагирует Райан, увидев настоящий румянец на моих щеках. Мне и самой впервые было странно наблюдать, как привычно синие губы розовели, становясь похожими на крупную, спелую малину.

– Мало того, что этот тип не подумал о том, что ты можешь умереть, так он и сейчас стремится подорвать твоё здоровье!

– Чем? – усмехнулась я, разглядывая пряди сухих волос мышинового оттенка в зеркале.

«Убрать за уши? Стянуть резинкой? Распустить?»

– Дорогая, тебе нужен покой. Необходимо окрепнуть. Все надо делать постепенно! Я даже боюсь представить, куда он тебя потащит, едва ты крепко встанешь на ноги. Наверняка туда, где все кишит инфекциями. Туда, где он сам постоянно тусуется: по пабам и прочим забегаловкам!

У меня даже руки опустились. Не могла поверить, что она придерживается подобного мнения о парне, которого давно знала, с чьей семьей постоянно общалась.

– Мама, он не... – выдохнула я.

– А Дороти Джонс теперь сплетничает на каждом углу, что ее сын не желает ехать в университет, где его давно ждут, из-за какой-то, цитирую: «Немощной калеки»! – В глазах мамы застыли слезы. – Это про тебя, доченька! Как тебе, а? Тоже не ожидала такого от нашей почтенной миссис?

Волнение накрыло меня с головой. Я растерянно хлопала глазами и хватала ртом воздух, пока она, меряя шагами комнату, продолжала:

– А ведь она мне звонила. Вчера! Чтобы отчитать за то, что ты портишь жизнь ее сыну, – мама зажмурилась и сглотнула. – Можно подумать, что ты за ним бегаешь! Как она, вообще, посмела? Чопорная дура! Да он тебе даром не нужен, такой ветреный и беспечный, а не ты ему. Так я и ответила ей, этой заносчивой Дороти Джонс, чтоб ей было пусто!

Дальше я ее почти не слушала.

А ведь и правда, зачем Райану такая, как я? Которая не

сегодня завтра умрет.

Которая вряд ли родит ему ребенка.

Неполноценная.

А если родит, то сколько проживет? Лет пять? Десять? Двадцать, если повезет?

Никто не знает, как и когда кончится моя «нормальная жизнь». Тогда зачем же из-за нее портить свою? Отказываться от будущего? От учебы в одном из престижных вузов Соединенного Королевства, от успешной карьеры...

Райану такого «счастья» я точно не желала.

– Помолчи, мама, – попросила тихо.

Сползла вниз по подушке, отвернулась и натянула одеяло на голову.

– Что? – послышался ее всхлип.

– Помолчи, говорю, – закрыла глаза. – Пожалуйста. Хоть немного.

* * *

– Привет! – сердце при звуке этого низкого, бархатного голоса привычно екнуло.

Вот незадача: сердце новое, а реагировало так же.

Я осторожно высунула нос из-под одеяла.

– Привет.

Было очень больно смотреть, как Райан прямо светится, разглядывая меня. Наверное, из-за того, что я для себя все

уже решила.

– Какая ты! – произнес с придыханием. – Ну и ну... Обнимемся?

Быстро преодолел разделявшее нас расстояние, наклонился и коснулся моего плеча так осторожно, будто бы я была бутонем, а он боялся сломать только начавшие распускаться лепестки. Затем быстро отошел и стал рассматривать меня еще пристальнее. Не успела я опомниться, как щелкнул затвор камеры на его телефоне.

– У меня ведь должно быть фото новой Эмили, да? Ох, прости, – спохватился он, заламывая пальцы, – я налетел, как ураган, – смущенно пробежался пятерней по своим каштановым волосам. – Принес цветы, но потом узнал, что их нельзя оставлять в отделении, поэтому ты можешь посмотреть на них, если выглянешь в окно. Десять больших красных роз на скамейке прямо напротив кардиоблока. Если я не промахнулся...

– Спасибо, – приподнявшись немного, я приняла полулежачее положение.

Каждый новый вдох давался мне с трудом, выдох – еще труднее.

– Ну, как ты? Рассказывай, – он улыбнулся, заставив меня залиться краской.

Подошел ближе, сел на стул.

При взгляде на Райана я покрылась гусиной кожей. Кажется, за то время, пока мы не виделись, его плечи стали еще

шире, лицо стало золотистым от загара, а глаза теперь лучились особым светом.

– Странно, – призналась я. – Вроде хорошо, но что-то не так. Наверное, нужно просто привыкнуть.

– Это сперва. Скоро все наладится. Я думаю. – Райан потянулся ко мне. – Можно? – взял меня за руку. – Ого, а она теплая. Точно! – он посмотрел на меня и улыбнулся. – Прикольнo!

Сдерживая острое желание вырвать руку, слегка прикусила нижнюю губу. Что-то внутри меня вызывало странные ощущения, необъяснимый дискомфорт. Было как-то не по себе, но почему – трудно понять до конца.

– Как дела с учебой? Когда ты уезжаешь? – спросила, дернув плечом.

Поднял на меня глаза.

– Куда?

Я нервно сглотнула.

– В Дарем, конечно.

Райан сначала нахмурился, но улыбнулся:

– Вы с мамой сговорились, что ли? Я же сказал, что не поеду, пока...

– Тебе нужно ехать! – воскликнула я, грубо отстраняясь.

Не ожидала от себя таких эмоций.

– Думаешь? – спокойно спросил он.

Его взгляд блуждал по моему лицу, словно пытаюсь отыскать в нем хоть что-то знакомое, оставшееся от прежней

Эмили, тихой и кроткой.

– Конечно, – отрывисто выпалила я, ощущая, как напрягается тело. – Нельзя упускать такой шанс!

Райан замолчал. Прищурившись, оглядел меня и сказал:

– Я никуда не уеду, Эмили. Все ведь давно решено.

– Если это из-за меня, то не стоит.

Он снова погрузился в долгое молчание. И оно мне совсем не нравилось.

– Ладно. Я понял, – Райан кивнул, сжав губы. – Ты беспокоишься. Но Университет Манчестера тоже готов принять меня, они прислали письмо.

– Нет! – Я вытянулась в струну. Отвернулась, чтобы избежать его взгляда. – Это совсем не то, и ты знаешь... Не то, чего ты хотел.

– Да какая разница! – воскликнул он весело и потянулся ко мне. – Эмили! Тебе о своем здоровье нужно волноваться, а не обо мне.

Я убрала руку до того, как он ее снова схватил.

– Нет, Райан! Послушай, – мне пришлось стереть эту искреннюю улыбку с его лица своей холодностью и грубостью. – Не нужно ничего. Не надо оставаться здесь из-за меня. Ничего не получится...

– Почему? – он еще не понимал, к чему я клоню.

– Пустая трата твоего времени. И моего, – посмотрела на него, стараясь вложить в свой взгляд хоть подобие искренности. – Я тебя не люблю. Не нужно что-то делать ради чело-

века, который не хочет быть с тобой. Понимаешь? Займись лучше учебой, Райан.

Большая птица по имени Любовь, только вспорхнувшая к небу и легкомысленно отряхнувшая капли прозрачной воды с перьев, падала вниз, теряя крылья, – вот что я видела в его глазах. Он резко побледнел. Райан смотрел на меня не моргая. Долго. Несколько секунд, а может, вечность. Тихо выдохнул:

– Вот как?

– Именно, – твердо ответила я.

Тогда он встал и... вышел.

Он ничего не сказал.

А мне показалось, что мир рухнул. Так оглушительно тихо стало вокруг. Даже его шагов не слышно по коридору. Никак не верилось, что все это только что произошло. Меня будто ледяной водой несколько раз окатили, так стало холодно, мерзко и зябко.

Я и не поняла, почему вдруг накричала на Райана. Не сообразила, отчего он так резко среагировал на мои слова. Хотела побежать и догнать его, но в последний миг сдержалась. Спрятала лицо в ладонях, отдышалась, попыталась собраться с мыслями. В голове царил какой-то сумбур. Подумав немного, достала телефон. Сжала в руке, собралась уже набрать его номер и позвонить, но в последнюю секунду передумала. Написать сообщение тоже не решилась. Стерев набравшие слезы, осторожно встала.

Подошла к окну, но кроме прогуливающихся пациентов и их посетителей так никого и не увидела. Только букет темно-красных роз лежал на скамье не тронутым никем из проходивших мимо.

Я долго смотрела на него и гадала, что же со мной случилось. Почему оттолкнула парня, который мне всегда нравился? Почему повела себя почти по-хамски? Можно ведь поговорить по душам, а не бросать ему в лицо холодное «не люблю».

Но, наверное, так будет лучше для всех. Особенно для Райана и его будущего.

Наверное.

Почти убедив себя в этом, я обернулась и заметила сверток, лежавший возле двери на стуле. Возможно, Райан принес его с собой. Кто же еще? Дрожащими руками подняла его, села на койку, положила на колени и разорвала упаковочную бумагу.

Внутри находилась коробка, а сверху листок. Открыла крышку и ахнула: кроссовки. Новенькие, белые, известной спортивной марки. Аккуратные и явно женские. Перевернула подошвой вверх. Мой размер.

Боже... Так это подарок. Его. Для меня...

Судорожно развернула послание и принялась водить глазами по строкам. У меня сразу перехватило дыхание.

Ты мне нужна, как сердцу нужно биться.

Мне слишком пусто в этом мире без тебя.

Я буду ждать, надеяться, ночами сниться.
Чтоб наконец признаться, что любя –
Живу.
Ради тебя.

Люблю –
Улыбку, голос, яркий свет души.
Походку, робкий взгляд из-под ресниц.
Всю целиком тебя люблю.
Хоть с новым, хоть со старым сердцем.
Не спеши
С ответом –

Вся
Жизнь
Впереди.

...

Жду, когда можно будет тебя обнять и сказать это
лично,
Райан.

Мои руки задрожали, на глаза навернулись слезы. Чувство вины больно сжало грудь.

Он любит меня.

А я его отвергла.

И что мне теперь делать?

Еще раз перечитав трогательные строки, спрятала послание в карман и медленно опустилась на подушку. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Наверное, следовало побежать за Райаном, чтобы попытаться все исправить, но я не была уверена в правильности таких действий. В итоге достала телефон и набрала его номер. Он не ответил. Позвонила еще раз. Длинные гудки оборвались сообщением о том, что абонент недоступен. Парень выключил телефон.

Тогда я написала ему СМС: я попросила прощения. Не зная, что добавить, просто отправила. Скрестила руки на груди и закрыла глаза. В памяти всплывали воспоминания о наших встречах. Как он приходил ко мне, как веселил, смешил. Как после коротких свиданий мне хотелось жить, как хотелось снова бороться за то, чтобы продлить свое существование.

Не знаю, что было между нами. Привязанность? Дружба? Детская влюбленность или серьезное чувство? Может, мне и правда стоило сосредоточиться сейчас на выздоровлении и

подождать, вдруг ответ придет сам собой... Но на душе было так горько и неудобно, что хотелось выть, чего раньше я себе никогда не позволяла. Сдерживалась, чтобы не доводить свое прежнее больное сердце до критического состояния.

И я сжала зубы до скрипа, чувствуя, как горячая влага медленно катится по щекам. Ненавидела себя, ругала и умоляла успокоиться. Не получалось.

Потом услышала, как приоткрылась дверь. Заметила маму. Она не стала ничего спрашивать, села возле меня и взяла за руку. Тяжело вздохнула, принялась ласково поглаживать по руке. Мне не хотелось в этот момент ни с кем разговаривать, поэтому я отвернулась.

Через полчаса она уже говорила своим обычным беззаботным тоном:

– Ну, что, моя девочка желает поужинать?

– Нет, – я сонно щурила глаза, глядя, как за окном полыхает оранжевый закат.

– Тебе нужно поесть, Эмили. Потеря аппетита очень беспокоит доктора Кларк.

– Мама, – попросила я, приподнимаясь с подушки, – ты лучше спроси, можно ли мне открыть здесь окно?

– Зачем, детка? Ты можешь простыть.

– Но... – мои ладони прошлись по опухшему от слез лицу. – Эта музыка...

Мама обеспокоенно нахмурилась, ожидая, когда я закончу фразу.

– Какая музыка?

Я махнула рукой в сторону алеющего на фоне горизонта кусочка солнца.

– Там, за стеклом. Она такая красивая. Хочу, чтобы было лучше ее слышно.

Она обернулась к окну и снова посмотрела на меня. Ее брови немедленно взметнулись вверх:

– Я ничего не слышу.

– Ну, как же... – устало улыбнулась я. – Вот: пам, пам, пам, пам па... – напела я, неуклюже дирижируя.

Это заставило маму выпрямиться и встать. Точно ищейка, она склонила голову, пытаясь прислушаться. Подошла к окну, вытянула шею, пожала плечами:

– Нет. Ничего я не слышу.

– Хм, забавно, – до меня по-прежнему доносились мелодичные звуки.

Мама слегка напряглась, сжала губы, пристально разглядывая меня.

– Нужно спросить у доктора Кларк. Может, у тебя в ушах шумит? Это, вообще, нормально? – она дотронулась до моего лба. – Температуры нет, вот что самое главное. Как ты себя чувствуешь, Эмили? Не вспотела, голова не болит, пальцы не онемели?

Мне казалось, она может, как из пулемета, выплевывать в меня всевозможные признаки отторжения сердца до бесконечности, поэтому я поспешила скорее прервать ее:

– Мам, все хорошо.

– Точно?

– Разумеется.

– Я попрошу доктора Кларк зайти к тебе, – сказала она, с тревогой глядя мне в глаза.

Пришлось сдать ся:

– Ладно.

Мама помогла мне лечь и поспешила покинуть палату. Послышались ее торопливые шаги по коридору. А значит, впереди меня ожидал очередной осмотр и десятки различных вопросов о моем самочувствии. Мрак.

Поэтому я поспешила достать телефон и еще раз набрала номер Райана. Абонент по-прежнему находился вне зоны доступа. Мне ничего не оставалось, как ждать и надеяться, что вскоре он остынет и захочет со мной поговорить. Взгляд остановился на лежащей на столике коробке с кроссовками. Не верилось, что это все было правдой, и я реально смогу однажды надеть их и запросто выйти из дома. Хотя бы недалеко. Прогуляться по городу – для начала.

* * *

В день выписки я в последний раз посмотрела в окно на больничный дворик с аккуратным газоном, ровными пешеходными дорожками и многочисленными цветущими клумбами, залитыми ярким летним солнцем. Хотелось запечат-

леть в памяти эту картинку, чтобы когда-нибудь в будущем перенести на бумагу. Вроде бы обычный вид из окна, но маленький пятачок земли был первым, что я увидела, встав на ноги после операции.

И это особенное ощущение, клянусь.

– Ты готова, Эмили? – спросила мама, поднимая сумку с моими вещами.

– Да, – кивнула я, не оборачиваясь.

Мне хотелось еще хотя бы минуту послушать чудесную музыку, доносящуюся откуда-то снаружи. Возможно, из парка. А может, из окна одной из палат. Кто-то виртуозно играл на клавишных. Кажется, на рояле. Потому что мелодия звучала глубоко и выразительно, и с каждым днем все громче. Очевидно, запись была очень высокого качества. Только вот где располагались динамики?

За все время я этого так и не поняла, но спрашивать у мамы, а тем более у врачей опасалась – они бы слишком напряглись, стоило бы только начать говорить о музыке. А мне не хотелось, чтобы моя выписка из больницы откладывалась на неопределенный срок. Поэтому приходилось молчать.

– Оставляешь рисунки здесь? – Мама скользнула взглядом по нескольким листам, разложенным на столе.

– Да, – я подошла к ним и провела пальцами по шероховатой поверхности плотной бумаги, густо исчерченной угольным карандашом. – Доктор Кларк забирает их на выставку. Какое-то благотворительное мероприятие: работы больных

детей выставят в галерею, а потом продадут с молотка, чтобы вырученными средствами спонсировать лечение маленьких пациентов онкологического отделения.

– Хорошее дело, – кивнула она. – Особенно вот этот мне нравится.

Мать указала на изображенный мною маленький водопад, окруженный валунами и зеленью. Мне удалось четко изобразить даже капли воды, срывающиеся с высоты и застывшие в воздухе перед тем, как обрушиться вниз – в небольшое озеро. Получилось очень динамично, хотя я и не помнила, чтобы видела когда-нибудь что-то подобное. Да и неудивительно – больные вроде меня познают мир через книги и телевидение, другого выбора у них нет, со слабым сердцем особо не разгуляешься.

– Идем? – мама взяла меня под локоть.

– Угу, – пробормотала я, в последний раз оглядывая палату.

– Я провожу вас, – в дверях появилась медсестра.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Пока мы направлялись к выходу, благодарили каждого сотрудника больницы, который встречался нам на пути.

И пусть это делалось уже в десятый раз, выражений признательности для того, кто спас твою жизнь, никогда не бывает много.

– Всего хорошего, Эмили. До свидания, миссис Уилсон! – попрощалась медсестра.

Даже доктор Кларк показала в вестибюле, чтобы в последний (наверное, сотый) раз напомнить мне о своих предписаниях и помахать на прощание рукой.

– Спасибо, – растерянно говорила я всем, кто смотрел нам вслед.

Выходила через широкие двери на свежий воздух, пропитанный жарким солнцем, и оборачивалась трижды. Все улыбались. А я чувствовала растерянность. Город встречал новую меня шумом автомобилей, голосами птиц, цветами и зеленью, а мне почему-то хотелось обратно, в тишину и покой. Незнание пугало. А в душе было пусто.

И даже в объятиях папы я чувствовала себя грустно и неудобно. И по дороге домой в машине. За стеклом мелькали высокие здания и маленькие старинные постройки, площади и торговые центры с яркими витринами. А мои мысли были только о том, что это ловушка. Операция – не исцеление. Горсти лекарств, частые посещения специалистов, тесты, осмотры, ограничения – все оставалось как и прежде. Да, мне теперь потихоньку можно быть физически активной, но леденящий душу страх, что организм в любой момент отторгнет новый орган, никуда не делся. Предстояло научиться жить с этим и думать только о хорошем. Только вот как?

Райан не хотел со мной общаться. Не отвечал на звонки, заблокировал меня в соцсетях. Шейла сказала, что они видятся, и он выглядит вполне счастливым и веселым, что огорчило меня еще больше. Стало обидно, что он так легко

вычеркнул меня из своей жизни. Но не я ли сделала все, чтобы так и произошло? Поэтому имела сейчас то, что имела. Одиночество, уныние и начинающуюся депрессию.

Дома ничего не изменилось. Комната напоминала о том, как я готовилась к своему побегу, о наших с Райаном разговорах и тихих вечерах. Время там словно остановилось. Вещи лежали на тех же местах, где их оставили, даже лампа, склонившаяся над столом, освещала альбом с незаконченным рисунком и карандашами, уложенными вдоль в ряд. Будто бы только пять минут назад их отложила, чтобы позже продолжить.

Но теперь я была не той Эмили. Да, оставалась такой же худой и бледной, но стала совсем другой. И совершенно не готовой к новой жизни.

Не было сил разбирать сумки, не хотелось даже думать о будущем, так что я легла на кровать прямо в одежде и устала в потолок. Сердце билось спокойно и ровно. И это было удивительно, ведь сама я пребывала чуть ли не на грани приступа паники. Странное чувство.

Ты жив, ты спасся, у тебя все хорошо. Но радость почему-то не спешит приходить. Будто все усложнилось. Пока мои сверстники учились, мечтая стать кем-то, я пыталась не умереть. Теперь передо мной открыты все двери, а у меня не хватает духа, чтобы шагнуть в них и вдохнуть полной грудью. Кто я в этом мире? Для чего я здесь? Что делать дальше со своей жизнью?

Вот что предстояло решить в самое ближайшее время.

Новый день начался с приема лекарств. Пузырьки выстроились на тумбочке. Приняв по очереди нужные таблетки и запив их водой, я встала, заставила себя позавтракать и вышла во двор. Мама с волнением наблюдала за мной через окно.

Я знала, что, если дунет ветер, она бросится ко мне с воплем, что я могу простудиться. Если с неба упадет хоть одна капля, она прикажет вернуться в дом, чтобы не промокла. Если к калитке подойдет почтальон, она, не разбирая дороги, кинется ему навстречу – только бы я не сделала лишний шаг. Ведь любой контакт с инфицированными людьми несет в себе смертельный риск, а инфицированным может оказаться любой прохожий, поэтому мне лучше оставаться дома под ее присмотром.

Так я и просидела свой первый день попеременно то в кресле во дворе, то в гостиной. Разговоры с мамой сводились к обсуждению будущих обязательных походов к стоматологу, кардиологу и психологу или вопросов о моем самочувствии. Даже возвращение папы с работы не улучшило ситуацию: мать то и дело клевала его едкими замечаниями на тему, что он заботится обо мне не так, как нужно. Не знает нюансов, которые непременно знал бы, будь он образцовым отцом, который не ставит работу и «свои позорные тайные

делишки» выше интересов больной дочери.

Намеки на его неверность, звучащие каждые пять минут, – подколки, претензии, грубости – все это еще больше вгоняло меня в уныние. Семейный ужин, сопровождавшийся беседой (если ругань во время принятия пищи можно так назвать), был окончательно испорчен. Отодвинув тарелку с едой, я встала и ушла в свою комнату. Вряд ли кто-то из родителей заметил, потому что над столом помимо ядовитых словечек уже летали салфетки и самые настоящие молнии.

Устроившись на кровати, я наконец нашла в себе силы взять лэптоп и просмотреть ленты соцсетей. Личные сообщения пестрили значками уведомлений: многие из ребят желали мне скорейшего выздоровления, сил, бодрости духа, другие делились фотографиями с выпускного, на которых я была запечатлена вместе с Райаном – тощая, как жердь, с огромными впалыми глазами и отсутствующим взглядом. Но от него самого не было ни весточки. Он даже не заходил на свою страничку со дня нашей ссоры.

Я пролистала несколько аккаунтов знакомых девчонок, отмечая, что помню их наряды с того самого памятного события, которое закончилось моей экстренной госпитализацией, помню их улыбки, атмосферу выпускного, музыку, яркий свет прожекторов, направленных на танцпол. И, конечно же, не забуду танец, в котором так бережно и осторожно кружил меня Райан.

А потом я увидела несколько записей ребят о том, куда

они едут учиться. Кто-то уже обосновался в общежитии колледжа, кто-то посетил с родителями кампус университета, кто-то до сих пор не мог выбрать лучшее предложение из поступивших ему и хвастался пачкой писем о зачислении в десяток вузов. У каждого начиналась новая жизнь, а мне пора было подумать о своей. Никто не торопил меня, не заставлял бросить заботы о здоровье и заняться учебой, но мне самой приходили в голову мысли о том, что однажды это придется сделать. Решить, кем я хочу быть, сдать все долги, написать тесты, получить документ об окончании школы и разослать результаты по интересующим меня заведениям.

– Приготовить тебе ванну? – донеслось от двери.

Я чуть не подскочила от неожиданности. Мама стояла на пороге, теребя край кофты. Выглядела она виновато, очевидно, ей было неловко за то, какими выходили каждый раз их непростые разговоры с отцом.

– Нет, мам. Я сама, – отложив в сторону лэптоп, встала с кровати. – Ты лучше отдохни. Ты как, нормально?

Она задумчиво прикусила щеку изнутри, затем неуверенно кивнула. Все ее переживания глубокими морщинами проступили на лбу.

– Да, – ответила едва слышно.

Громко хлопнула входная дверь. Ее плечи машинально дернулись, губы напряженно сжались в тонкую линию и побелели.

– Папа ушел?

Мама отвела взгляд.

– Наверно, – но ее подбородок дрожал.

Даже не представляю, насколько ей больно. Она и срывалась-то на нем только потому, что не знала, как изменить то, что ей неподвластно – чувства другого человека. Как склеить семью, которая держится только на том, что все сплотились вокруг беды – моей болезни.

– Иди, приляг, – я погладила ее по плечу. – Сама справлюсь, не переживай.

Мама неохотно кивнула, затем подалась в сторону ванной комнаты, но тотчас неуклюже тормознула, вспомнив, что согласилась принять мою самостоятельность. Хотя бы в этом. Вроде бы мелочь, но и тут она переживала, как бы чего со мной не произошло.

– Если что, я позову тебя, – улыбнулась ей.

После этих слов на ее лице отразилось облегчение. Зная, что она постоянно будет кружить вокруг и прислушиваться, я усмехнулась. Вошла, закрыла за собой дверь и включила кран. Вода с шумом стала наполнять ванну. Капли разбивались о дно, превращаясь сначала в мелкую лужицу, затем буквально за минуту заполнили всю поверхность. Зрелище меня завораживало. Поднимающийся от горячей воды пар щекотал ноздри, и, чтобы не навредить сердцу, пришлось добавлять холодной.

Сняв длинную тунику и хлопковые пижамные штанишки, я уставилась в зеркало. Еще вчера казалась себе девчонкой,

хрупкой, худой до безобразия, а теперь, даже с краснеющим на груди длинным шрамом и темными кругами под глазами, видела себя молодой женщиной. Моя фигура успела обрести приятные изгибы в нужных местах, мягкие выпуклости, нежные впадинки. Все как полагалось. И я как будто бы не узнавала свое тело.

К примеру, вот эту родинку. Чуть ниже ключицы. Я провела по ней рукой, но ничего не ощутила. Маленькое темное пятнышко оказалось совсем плоским на ощупь и не чувствовалось под нажимом подушечек пальцев. Опустив глаза, попыталась ее рассмотреть, но, как ни поворачивала шею, так и не нашла. Снова посмотрела в зеркало и с удивлением обнаружила, что больше родинки видно не было. Подошла ближе – точно. Чисто.

Улыбнулась.

Наверное, что-то налипло. Мне давно следовало помыться, но предосторожности из-за шрама, которому требовалось как следует зажить, легкие обтирания, больничный душ под строгим контролем мамы – все это оттягивало приятный момент до сегодняшнего дня.

«Осторожно ступить. Если не горячо, присесть. Посмотреть, как реагирует организм на данную температуру. Если все хорошо, то дальше без ограничений. Главное, не усердствовать в области грудной клетки губкой».

На самом деле, врачи не давали особых рекомендаций по приему ванн, зато мама ежедневно разрабатывала для меня

планы по безопасному существованию в мире опасностей – кажется, она обрела новый смысл своего существования.

Я застыла возле ванны. Долго смотрела, как прибывает вода, и не понимала, почему никак не могу решиться залезть внутрь.

– Ты в порядке? – донеслось из-за двери.

– Да! – отозвалась я.

Осторожно закинула одну ногу и опустила в воду. Приятное тепло окутало сначала ступни, потом щиколотки и поползло вверх к колену. Помнится, раньше в такой момент хотелось скорее нырнуть туда всем телом, чтобы согреться. А тут... Даже не знаю... Паника, давящая на грудь, ледяная, неприятная, скрутила желудок и, цепляясь острыми когтями сомнения, стала карабкаться вверх. В одно мгновение стало трудно дышать, запершило в горле, перехватило дыхание.

Я быстро высунула ногу, отскочила назад и зажмурилась. «Все хорошо. Успокойся. Вдох-выдох. Тихо. Дыши... Дыши...»

И поток воздуха с силой ворвался в легкие. Голова закружилась, пришлось опереться о стену и открыть глаза. Мне почему-то было страшно даже смотреть на ванну, наполненную водой. По телу расползались мурашки, ощутимо знобило.

Преодолев приступ паники, я наклонилась и выдернула пробку. Отошла к противоположной стене и, замерев, долго наблюдала, как утекает вода. Кран продолжал работать, и

шум ударяющихся о поверхность капель меня словно парализовал. Не могла пошевелиться или сделать хоть один шаг. Меня уже вовсю трясло от холода, когда ванна полностью опустела. И сразу стало легче дышать. Будто то, что меня пугало, вдруг исчезло.

Я не понимала, что со мной стряслось. Что за ерунда только что творилась с моим телом и разумом? Не припоминаю, чтобы когда-то у меня были подобные проблемы. И воды вроде никогда не боялась. Странно. Действительно совершенно непонятно.

– Как ты, Эмили? – постучала мама.

Я отпрянула от стены. Прочистила горло, взглянула на свое отражение в зеркале. Видок у меня был тот еще. Перепуганный, глазищи огромные, нижняя челюсть ходуном ходит.

– Да я нормально, ма-а-ам! – выдавила, проводя ладонями по лицу.

Подошла ближе и уставилась пристально на свое отражение.

– Ладно, – пискнула она.

Вода продолжала грохотать, ударяясь о дно ванны и стекая в сливное отверстие.

Я не узнавала свои глаза. Казалось, из глубин меня самой на меня смотрит кто-то чужой. С силой зажмурилась, открыла веки – все в порядке. И что-то – все равно не то. Что же там такое?

– Если понадобится помощь... – продолжил голос за дверью.

– Знаю! – нервно бросила я, с трудом отрываясь от зеркала.

Переборов тревогу, забралась в ванну. Неуверенно взяла лейку и переключила поток воды на душ. Вздогнула, когда меня обожгло первыми каплями, сжалась, затряслась, как испуганный мокрый котенок. А через пару секунд вдруг осознала, что вода совсем не горячая. Приятная, теплая. И только тогда смогла облегченно выдохнуть. Осторожно присела и всхлипнула, позволяя ласковым струям и мелодичному журчанию окутать мои плечи и спину. Обессиленно вытянула ноги, расправила плечи.

«Что это? Что за чертовщина со мной творится?»

Ночь прошла беспокойно. Я то падала в омут сна, вспыхивающего перед глазами странными картинками, то металась по постели, пытаюсь уснуть. Рассвет встретила, сидя среди мятых простыней и одеяла, вытирая капли холодного пота со лба. Сколько ни силилась, так и не смогла вспомнить, о чем были кошмары, которые причудливыми отрывками врываются в мое сознание, заставляя вскакивать и жадно ловить ртом воздух посреди ночи.

Приняв лекарства, я поднялась с постели. Сменила влажную от пота пижаму на платье, собрала волосы в хвост, умылась и тихо прошлепала босиком на кухню.

– Доброе утро, дорогая, – поприветствовал меня отец.

Он сидел за столом, поглаживая пальцами кружку с кофе. На нем была та же рубашка, что и вчера, только изрядно помятая, те же синие джинсы. На отеком лице ярко краснели припухшие веки, а щека еще хранила след от отпечатавшейся на ней пуговицы. Это могло означать только то, что отец опять спал в машине или на диване в гостиной, не раздеваясь и положив под голову собственную руку.

– Я очень надеялась тебя здесь застать, – подошла, обняла его сзади за шею и поцеловала в щеку.

– Что-то случилось? – он обернулся и пристально посмотрел на меня.

– Просто я... – обогнула стол и села напротив него. – Папа... Мне хотелось, чтобы ты свозил меня кое-куда... – дальше я зашептала: – Пока мама не проснулась. Если она узнает, то не отпустит. Или, что еще хуже, увяжется с нами.

Он взглянул на часы.

– Хорошо. Тогда я скажу, что опоздаю в офис.

– Возможно, и не придется. Это близко. Я могла бы и сама прийти, но боюсь, что она... – кивнула в сторону гостиной.

– Понимаю, – он отхлебнул кофе и встал. – Позавтракаешь?

Отрицательно покачала головой.

– Мне хотелось бы успеть до того, как мама проснется.

Он замер и тяжело вздохнул.

– Ты хочешь... – оглянулся и понизил голос, – навестить

Райана?

– Да.

Он понимающе кивнул.

– Ладно, – взял кружку и вылил содержимое в раковину. –

Сколько тебе нужно времени, чтобы собраться?

По правде говоря, я побаивалась возвращаться в комнату – мать могла меня услышать и проснуться.

– Я готова.

Папа критически оглядел мое старомодное платье, затем прическу и босые ступни.

– Пошли, – сказал, пожав плечами.

Я радостно соскочила со стула, надела шлепки, в которых

обычно выходила подышать воздухом, и поспешила за ним через черный ход.

– Может, прогуляемся пешком? – предложил он вдруг.

– Ну... – замерев у порога, я сглотнула. – Давай. Если мне не навредит...

– Эмили, – отец ласково похлопал меня по плечу. – Что тебе может навредить сейчас, так это диван и телевизор. Доктор Кларк рекомендовала начинать с ходьбы каждый день и понемногу увеличивать нагрузки. Твой организм постепенно привыкнет к тому, что теперь он здоров, и ты станешь набираться сил.

Я с восторгом вдохнула свежего утреннего воздуха и крепко сжала папину ладонь.

– Надо же, – оглядываясь на дом, из которого могла следом выбежать мать, присвистнула я. – Даже не верится. Иду по улице. Куда хочу. А скоро смогу побежать. Правда?

Посмотрела на отца. Тот, усмехнувшись, несколько раз кивнул:

– Конечно.

Мне нравилось. И пусть я шла за руку со своим папой, но впервые дышалось настолько легко, что казалось, будто я всецело предоставлена самой себе. «Захочу, туда пойду, захочу – сюда. Ух, а это та-а-ак весело!»

И только завидев вдалеке знакомую красную крышу, которую мне доводилось несколько раз наблюдать через окно машины, я ощутила волнение. Это был дом Райана.

«Как он встретит меня? Что сделает его мать? Что, в конце концов, я скажу ему?»

Столько вопросов, и ни одного ответа.

Но что мне известно точно, так это то, что увидеться нам с ним, чтобы все прояснить, – просто жизненно необходимо.

– Ступай, – папа остановился у подъездной дорожки.

– Ты не пойдешь? – испугалась я.

– Нет, – улыбнулся он. – А разве ты сама не справишься?

Немного самостоятельности мне бы точно не помешало.

Тем более что каждый мой шаг наружу из-под зонтика гиперопеки матери стал настоящим чудом, казался глотком чистейшего кислорода. Поэтому я благодарно кивнула и медленно направилась к двери.

– Думаешь, они не спят?

Папа взглянул на часы:

– Без пяти семь. Самое время вставать.

– Как скажешь, – пожала плечами и продолжила путь.

Каждый шаг давался с большим трудом.

Вдруг сознание пулей пронзила мысль о том, что через пять минут начнет трезвонить будильник на моей тумбочке, и если его не выключить, мать сорвется с постели и побежит проверять мое самочувствие. Но теперь ничего не поделаешь. Пусть будет, как будет.

И я постучала в дверь. Терпения хватило ровно на полминуты. Когда никто не открыл, робко нажала на кнопку звонка. Тишину дома нарушила громкая трель, после которой

раздались шаги и недовольное ворчание.

– Эмили? – появившаяся на пороге миссис Джонс лучезарно улыбнулась. – Рада тебя видеть в добром здравии. Как... как ты? – не дождавшись ответа, воскликнула: – И ты здесь, Чарльз? В такое время! Что-то стряслось? Прошу, проходите.

– Здравствуй, Дороти, – послышался из-за моей спины голос отца. – Я сопровождаю дочь. Подожду здесь.

– О... – Хозяйка дома перевела взгляд на меня и неохотно отступила в сторону.

Возможно, она бы и хотела прогнать «немощую калеку» прочь, но, увы, правила приличия такого не предусматривали, а бывшая мамина подруга предпочитала, чтобы ее поступки всегда выглядели благопристойно.

– Проходи, Эмили.

– Спасибо, – я переступила порог и огляделась.

Все в этом доме было ровно так же идеально, как выглаженный до скрипа костюм миссис Джонс и ее отполированные до зеркального блеска туфли на тонкой шпильке: бежевые портьеры на широких окнах, молочного цвета накидки на старой, но умело отреставрированной мебели, дорогой паркет светлых тонов. Как в музее. Все стерильно чистое, даже страшно прикоснуться. Райан, честно говоря, не совсем вписывался в строгий интерьер. Трудно представить, как он входит в это жилище в грязных после бега кроссовках и плюется с размаху на винтажный диван.

– Что привело тебя сюда в такую рань? – Хозяйка выжидающе скрестила руки на груди.

Дверь закрылась, и теперь женщина не выглядела образцом вежливости.

– Я... – мне вдруг стало не по себе. – Мне нужно увидеть вашего сына.

– Зачем? – ничуть не смущаясь, поинтересовалась она.

Мне приходилось смотреть на нее снизу вверх, и я совершенно растеряла всю свою решительность.

– Хочу... поговорить с ним.

– Вынуждена огорчить тебя, детка, – на ее лице промелькнула довольная ухмылочка. – Райан уехал в Дарем, – она развела руками. – Так торопился заселиться и начать поскорее студенческую жизнь, что сорвался неделю назад и укатил прямо на машине отца. Даже половину вещей дома оставил: планшет, наушники, одежду.

– Уехал? – У меня не получилось удержать вздох сожаления.

– А ты не знала? Он тебя не предупреждал?

Кажется, женщина наслаждалась моей реакцией. Ей ужасно нравилось, какой эффект производили ее слова.

– Нет, – я взволнованно облизнула губы. – Мы с ним просто... немного повздорили...

– Ох, сожалею, Эмили, – костлявая рука коснулась моего плеча. – Ты только не переживай. Тебе нельзя, – хитрые глаза сверкнули. – Но я сообщу, что ты заходила, ладно?

– Угу, – я проследила за ее движением: миссис Джонс ненавязчиво указывала мне на дверь.

– Моему сыну сейчас необходимо плотно заняться учебкой. Потом его ждут стажировка и успешная карьера. Но... думаю, он найдет пару минут, чтобы связаться со старым другом, не переживай.

Шаг. Еще шаг. Она почти прижала меня к двери, вынуждая развернуться и уйти прочь.

– Спасибо, миссис Джонс, – я расстроено опустила голову.

– Ну, тогда до свидания! – Мать Райана радостно потянулась к ручке двери.

– Кто там, Дороти? – раздалось откуда-то недовольное кряхтение.

– Всего хорошего! – даже не обернувшись, поторопила меня хозяйка дома.

Она продолжала улыбаться, но как-то сдержаннее. Я бы сказала даже, более напряженно.

– Та девочка пришла, да? – Из-за угла показалась трость.

– Это обо мне? – Я замерла у порога.

– Счастливо, Эмили! – Миссис Джонс распахнула передо мной дверь и встала так, чтобы не было видно появившуюся в гостиной пожилую женщину.

Но мне почему-то показалось очень важным увидеть старую миссис, и я сделала шаг вправо, упрямо вытянув шею в сторону источника звука.

– Это ты... – из-за угла появилась хромая полноватая седая женщина в цветастом платье.

Она оказалась такой, какой ее и описывал Райан: пронзительные серые глаза под толстым стеклом очков, испещренное морщинами усталое лицо, спутанные волосы, выбивающиеся из скрученной на затылке наспех прически. Старая, но с очень живой мимикой, придававшей ей поистине колдовское обаяние.

– Я знала, что ты придешь.

– Здравствуйте! – махнула рукой я.

Но бабушка вдруг застыла как вкопанная.

– Зачем вы встали с постели, Корделия? – обрушилась на нее мать Райана, не пытаясь скрыть истерические нотки в голосе.

Но пожилая женщина отмахнулась от нее, как от мухи. Шагнула в мою сторону, продолжая пронзать тревожным взглядом, и снова остановилась. Вздернула брови так, что лоб прорезали совсем глубокие морщины.

– Деточка... – сухие, бледные губы старушки задрожали.

Вздохнув, она тяжело оперлась на трость.

– Меня зовут Эмили, – обогнув хозяйку дома, я подошла к ней и протянула руку.

Но она продолжала напряженно смотреть мне в лицо.

– Ох... – выдохнула она. – Вот, значит, как...

– Я подруга Райана, хотела повидать его... но оказалось, что он уехал... – Я растерялась, не понимая эмоций, напи-

санных у нее на лице.

То ли старушка была рада видеть меня, то ли собиралась наорать. Большие серые глаза зорко смотрели из-под тяжелых век, как будто вытягивали из меня жизнь.

– Вот почему я видела ее, – сказала старая миссис Джонс, протягивая сухонькую ручку и обхватывая мою ладонь. Это не было рукопожатием, женщина методично ощупывала каждый сантиметр моей кожи. – Она не ушла. Она с тобой.

– Что? – улыбнулась я.

– Ты видишь ее? Да? – Ее зрачки расширились на секунду, затем старушка прикрыла веки и с силой сжала мою руку. – О-о-о, ты ее слышишь... но не понимаешь, что она хочет сказать.

– Кто? – тихо спросила я.

– Довольно, Корделия! – громко воскликнула Дороти, приближаясь к нам.

– Вас двое, – зажмурилась старушка. По моей ладони побежало тепло, кончики пальцев начало покалывать. – Она не уходит, потому что должна сказать тебе.

– Кто? Я не понимаю, о чем вы.

– Вы опять за свое? – мать Райана попыталась влезть между нами. – Прекратите свои штучки, немедленно! Вы весь район с ума свели своим бредом, Корделия. Про нас ходят нелестные разговоры, – ее голос тревожным звоном оттолкнулся от стен гостиной.

Бабушка открыла глаза. Внимательно посмотрела мне в

лицо и медленно выдохнула. Свою невестку она по-прежнему не замечала.

– Она должна сказать тебе. Она очень хочет показать, но ты не пускаешь. Сопротивляешься.

У меня закружилась голова.

– Простите... – попыталась высвободиться, но тонкие, скрюченные от старости пальцы держали цепко.

– Оно принадлежит ей, – пронзительные серые глаза с хитрым прищуром скользнули по моей груди, заставив вздрогнуть от страха. – Она знает.

– Корделия!

– Знает, что он придет.

Я инстинктивно сделала шаг назад.

– Кто? – пискнула.

Старушка разжала пальцы, отпуская меня. И миссис Джонс тотчас воспользовалась моментом, чтобы встать между нами. Я не понимала, радоваться этому или нет. Что означали речи пожилой женщины и стоило ли им верить?

– Вы принимали свои лекарства, Корделия? – наседала миссис Джонс.

– Отойди, ведьма, – не сдавалась она.

– Я буду вынуждена позвонить врачу.

– Вы хотели сказать мне что-то еще? – спросила я, отступив в сторону.

Бабушка Райана ненавидящим взглядом уставилась на женщину, пытающуюся помешать нашему странному разго-

вору.

– Прости, Эмили, – повернулась ко мне миссис Джонс. – Моя свекровь очень стара и не всегда отдает отчет своим словам, понимаешь?

– Чушь! – бросила старуха, переводя взгляд на меня.

– И не пытайся вникнуть в то, что она несет. Она этими байками меня уже двадцать лет с ума сводит.

– И я во всем права! – каркнула старуха. – Ты разрушила жизнь моего сына, а теперь взялась и за внука!

Миссис Джонс натянула на свое лицо самую вежливую улыбку, на какую только была способна.

– Неделю назад она утверждала, что на фото из больницы не ты, а кто-то другой, – пожалала она плечами, усмехаясь. – Ты можешь представить масштаб катастрофы. – Не стесняйся того, что пожилая женщина все видит, хозяйка дома характерным жестом намекнула на ее безумие. – В ее возрасте нельзя пропускать прием лекарств.

– Ну и стерва ты, Дороти, – обиженно сжала губы старушка. Покачиваясь, оперлась на трость. – Я ведь тебя просила, а ты опять сделала по-своему. Неужели я не вижу, что у мальчика своя судьба?

– Простите, Корделия, – я подошла ближе к старой миссис и наклонилась, – вы не договорили...

Она как будто очнулась ото сна, часто заморгала.

– Он придет, – замотала головой, словно пытаясь отогнать кошмар. Медленно попятилась назад. – Он хочет забрать

его...

– Кто? – у меня в горле пересохло.

Ее глаза метались по мне, затем устремились в потолок. Я тоже взглянула вверх, но ничего не увидела. Старушка казалась ужасно напуганной и стала пятиться, рискуя потерять равновесие и упасть.

– Кто? Кто придет, Корделия?

Дороти Джонс схватилась за голову:

– Тебе пора, Эмили. Это переходит все границы, – она аккуратно взяла меня под локоть.

– Подождите, но она хотела мне что-то сказать... – увлекаемая матерью Райана к двери, я продолжала оборачиваться.

Старушка навалилась спиной на стену и вытаращила на меня глаза. Ее лицо казалось мертвенно бледным.

– Ты принимаешь всерьез лепет сумасшедшей старухи? – усмехнулась Дороти, провожая меня. – Я ее бредни пачками вынуждена выслушивать чуть ли не каждый день. Приходится следить, чтобы она принимала свои пилюли, иначе... – взмахнула рукой и брезгливо поморщилась.

– Кто придет, миссис Джонс? – выкрикнула я уже на пороге.

Встала на цыпочки, чтобы увидеть в последний раз лицо старушки.

У той дрожал подбородок.

– Зло, – тихо ответила она.

Ее глаза смотрели на меня жалостливо, а губы сжались в попытке не заплакать. Мне вдруг стало очень и очень страшно.

– Всего хорошего, Эмили. Я обязательно передам Райану, что ты заходила, – нервно рывкнула Дороти Джонс и захлопнула перед моим носом дверь.

Я обхватила себя руками, пытаюсь успокоиться и понять, что случилось в доме Райана. Почувствовала, как сильно забилось сердце. А под кожу прямо-таки мороз пробрался и, покалывая ледяными иголочками, начал расплзаться по телу.

– Что за шум? – окликнул меня отец. – Ох, да ты дрожишь...

– Пойдем отсюда, пап, – попросила, прижимаясь к его плечу.

Силы меня покинули.

– А где Райан? Ты поговорила с ним? – он нахмурился, вглядываясь в квадратики окон, за которыми еще виднелся силуэт удаляющейся миссис Джонс.

– Нет, – мысленно я пожалела бабушку Райана, с которой столь плохо обходились.

Мало ли что ей мерещится в таком почтенном возрасте, мало ли какая ерунда лезет в голову, но так обращаться с пожилым человеком, в открытую намекая на сумасшествие, – это настоящая мерзость.

– Райан уехал в университет. Все кончено.

– Мне жаль, дорогая, – папа обнял меня.

Мы вместе спустились с крыльца.

– Теперь я знаю, что так будет лучше для него, – обернулась и опять взглянула на дом. – Он должен получить образование, это очень важно. – За ажурными занавесками не было никого видно. – А мне пока нужно научиться жить как обычные люди.

– У тебя обязательно получится, – заверил отец.

Я кивнула:

– Надеюсь.

И тотчас вспомнились странные слова пожилой женщины: «Она знает... Знает, что он придет. Он хочет забрать его... Зло...» И я поежилась, прикивая к плечу отца, потому что внезапно налетел ветер. Взмахнул вверх мои волосы, скользнул по шее, что-то тихо шепча в ухо, и утих.

«Зло...» – опять послышалось мне.

И страх холодной кистью мазнул по спине, заставляя вздрогнуть и обернуться.

– Что такое? – отец тревожно заглядывал мне в лицо.

– Ничего, – я мотнула головой, рассеивая беспокойство.

– Тебе нужно отдохнуть.

– Наверное.

И мы пошли по улице неспешным шагом. Я разглядывала дома соседей, и каждый из них казался мне пугающе незнакомым. А перед глазами стояла недавняя картина: вот старушка тычет пальцем в область моего сердца, округляет гла-

за и в ужасе пятится назад: «Вас двое... Оно принадлежит ей...»

Что она имела в виду? И стоило ли принимать то, что она наговорила, всерьез?

От этих мыслей меня отвлекла мама, выбежавшая на дорогу, чтобы встретить нас. Она отчаянно взмахнула руками:

– Ты в своем уме, Чарльз? Где вы были? Ей же нельзя напрягать свое сердце ходьбой! – замерла в ожидании ответа, но папа прошел мимо, даже не взглянув на нее. Тогда волна обиды полетела в мою сторону: – Эмили, о чем ты думала? Я чуть с ума не сошла!

Отец пропустил меня вперед, и мы зашагали по дорожке прямо к двери.

– Если помощь пока не нужна, то я поеду на работу, – сказал он мне, улыбнувшись.

– Вот так всегда! – взорвалась мама. – Работа у тебя важнее всего! Ладно бы работа, но ведь ты там...

– Пожалуйста, Элизабет! – взмолился он, открывая мне дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.